

GEORGE C. MARSHALL

EUROPEAN CENTER FOR SECURITY STUDIES

**Единство Запада и
трансатлантическая
безопасность – перед
лицом испытаний**

*Петер ван Хам и
Ричард Л. Каглер*

Публикации Центра им. Маршалла, № 4

Европейский центр по изучению вопросов безопасности им. Джорджа К. Маршалла

Деятельность Центр им. Джорджа К. Маршалла — ведущего учебного заведения в области трансатлантической обороны и изучения вопросов безопасности, финансируемого правительствами США и Германии, направлена на создание более стабильной среды безопасности посредством развития демократических оборонных структур и отношений, оказание содействия активному мирному сотрудничеству, а также укрепление долгосрочных партнерских отношений между странами Северной Америки, Европы и Евразии.

Публикации Центра им. Маршалла

Публикации Центра им. Маршалла ставят своей целью дальнейшее развитие наследия генерала Джорджа К. Маршалла, в честь которого назван Центр, посредством распространения монографий, способствующих достижению его идеала — обеспечения демократического, свободного и мирного развития неразделенных стран Европы и Евразии в XXI веке. Работы, публикуемые в данной серии, призваны определять и анализировать влияние на принятие соответствующих решений. Главным направлением *Публикации Центра им. Маршалла* являются сравнительные и междисциплинарные исследования в таких областях, как международная безопасность, демократические средства управления в области обороны, взаимоотношения гражданских и военных структур, формулирование стратегий, планирование оборонных мероприятий, контроль над вооружениями, миротворческие операции, разрешение кризисных ситуаций и безопасность на основе сотрудничества. Авторами *Публикации Центра им. Маршалла* являются сотрудники, преподаватели и выпускники Центра им. Маршалла, а также другие эксперты, приглашаемые со стороны.

В настоящей статье изложены личные взгляды автора, которые могут не совпадать в официальной политикой или точкой зрения Европейского центра по изучению вопросов безопасности им. Джорджа К. Маршалла, Министерства обороны США, Министерства обороны Германии или правительств США и Германии. Данная статья разрешена к публикации в печатных изданиях и может распространяться без каких-либо ограничений.

Вы можете направлять свои замечания по следующим адресам:

Международный адрес:

Director
George C. Marshall Center
ECMC-CL-O-MCP
Gernackerstrasse 2
82467 Garmisch-Partenkirchen
Deutschland

US-Address:

Director
George C. Marshall Center
ECMC-CL-O-MCP
Unit 24502
APO AE 09053

Уведомления об изменении адреса и заявки на предоставление копий Публикаций Центра им. Маршалла просьба направлять по вышеуказанным адресам. Вы можете также связаться с нами по тел. 49-(0)8821-750310, факсу 49-(0)8821-750688 или электронной почте <mcpapers@marshallcenter.org>

Единство Запада и трансатлантическая безопасность – перед лицом испытаний

**Петер ван Хам
и Ричард Л. Каглер**

Петер ван Хам – старший научный сотрудник Нидерландского института международных отношений “Клингендаль” в Гааге и адъюнкт-профессор Колледжа Европы в Брюгге (Бельгия).

Д-р Ричард Л. Каглер – заслуженный профессор Института изучения проблем национальной безопасности, Университет национальной обороны, Вашингтон (округ Колумбия).

Предисловие

Европейский центр по изучению вопросов безопасности им. Джорджа К. Маршалла рад предложить вниманию читателей четвертый выпуск *Публикаций Центра им. Маршалла*. В нем рассматривается целый ряд насущных проблем, стоящих перед международным сообществом в преддверии саммита государств-членов НАТО, который должен пройти в октябре в Праге. Президент Джордж У. Буш заметил, что НАТО преисполнена решимости пригласить в свои ряды “все европейские демократии, готовые разделить ответственность, которую налагает членство в НАТО”. НАТО также заключила новое соглашение с Россией, которое предусматривает участие Москвы в принятии решений членами Альянса, что внесет дополнительный вклад в преодоление старого раскола между Востоком и Западом.

И все же, несмотря на эти достижения, у некоторых наблюдателей вызывает беспокойство тот факт, что Соединенные Штаты и Европа постепенно отдаляются друг от друга. После кратковременного всплеска сотрудничества, вызванного террористическими нападениями на Соединенные Штаты, все громче и громче раздаются старые и новые жалобы. Многие европейцы критикуют Соединенные Штаты за слишком большую склонность к независимым действиям, чрезмерное увлечение глобальной войной против терроризма и игнорирование вполне обоснованных опасений Европы. Американцы отвечают, что европейцы тратят слишком мало денег на оборону, неспособны осуществить “революцию в военном деле” и реализуют узкие, ориентированные только на Европу инициативы в области обороны, что может ослабить потенциал НАТО.

В настоящей *Публикации Центра им. Маршалла* предпринимается попытка прояснить эти вопросы, представив две довольно сильно различающиеся точки зрения. Петер ван Хам рассматривает соответствующие проблемы с европейской точки зрения и утверждает, что трансатлантическим отношениям вредит тот факт, что они носят асимметричный характер. Соединенные Штаты, которые сегодня являются единственной оставшейся сверхдержавой мира, сильны и уверены в себе, в то время как Европа испытывает растерянность и нерешительность, продолжая поиски своей роли и идентичности. Он предупреждает, что Соединенным Штатам и Европе может быть все труднее и труднее действовать вместе как сплоченному и единому Западу. Но даже несмотря на это, считает Петер ван Хам, США и Европа должны сотрудничать, причем не только для отражения таких новых угроз, как международный терроризм со стороны негосударственных субъектов, но и (что еще важнее) для решения проблем, связанных с глобализацией, с которыми сталкиваются оба континента.

Ричард Л. Каглер представляет недвусмысленную позицию американской стороны. Он приветствует европейскую мечту об объединении всего континента под знаменем демократии, экономической интеграции и многостороннего сотрудничества, но предостерегает Европу от попыток построить стену, отделяющую ее от остального мира. Глобализация порождает злостные антизападные идеологии, террористов-нигилистов и страны, несущие угрозы. Эти новые носители угрозы объединяются, получая доступ к современным информационным системам и технологиям, позволяющим им совершать акты насилия с огромного расстояния. Кроме того, они обостряют и без того беспокойную

обстановку в нестабильных регионах. Во многих местах это приводит к жестокой первобытной вражде, которая ставит под угрозу общие западные интересы, безопасность и ценности. Каглер предлагает конкретную программу действий, направленную на усиление военного потенциала НАТО и Европы для отражения этих новых угроз.

Очевидно, что перед международным сообществом стоит множество сложных вопросов. Смогут ли Соединенные Штаты и Европа сотрудничать в глобальной войне против терроризма? Готовы ли европейцы модернизировать вооруженные силы и ликвидировать свое технологическое отставание, которое ограничивает их возможности в области проведения удаленных, совместных и согласованных операций с Соединенными Штатами? Какие конкретные шаги может предпринять НАТО с тем, чтобы подготовиться к завтрашним угрозам, которые, возможно, будут исходить от государств-злодеев или террористов, имеющих в своем распоряжении оружие массового поражения (ОМП)? И, наконец, какие последствия будет иметь глобализация – не только для НАТО и Европы, а для всех демократических стран мира?

Петер ван Хам и Ричард Л. Каглер дают ответы на все эти вопросы, причем эти ответы не ограничиваются простым диагнозом текущих разногласий. Они предлагают логичные решения, которые могут казаться спорными, но всегда отражают глубокое понимание ситуации. С взглядами этих авторов должен ознакомиться всякий, кто стремится к укреплению международного сообщества и хочет защитить его от нападений.

д-р Роберт Кеннеди,
директор Европейского центра по изучению вопросов безопасности
им. Джорджа К.Маршалла

Единство Запада и трансатлантическая безопасность – перед лицом испытаний

Европа и трансатлантические отношения:
туманное будущее

Петер ван Хам

стр. 1

Национальная безопасность в условиях
глобализации хаотического мира:

действия США и Европы

Ричард Л. Каглер

стр. 27

Европа и трансатлантические отношения: туманное будущее

Петер ван Хам

Вводное резюме

После драматических событий 11 сентября 2001 г. Европа показала себя преданным союзником Соединенных Штатов. НАТО без колебаний привела в действие положение о взаимопомощи, предусмотренное статьей 5 Вашингтонского договора, заявив, что террористические атаки были нацелены не только против Нью-Йорка и Вашингтона, но и против свободного и демократического Запада в целом. Международный терроризм рассматривался в качестве нового клея, скрепляющего трансатлантические отношения и заменившего собой прошлые идеологические связи. К сожалению, эти позитивные тенденции оказались недолговечными.

В настоящей статье рассматривается текущее состояние трансатлантических отношений и оцениваются возможности будущего сотрудничества между США и Европой. В ней утверждается, что трансатлантические отношения омрачены рядом проблем, которые сохраняются и в обозримой перспективе. Многие европейцы считают, что Соединенные Штаты не принимают в расчет мнений и интересов своих традиционных союзников. Зарождающиеся трансатлантические разногласия только усилятся, если США примут решение о вторжении в Ирак, чтобы свергнуть Саддама Хусейна.

Эти политические проблемы усугубляются масштабным увеличением оборонного бюджета США, ускоряющим так называемую “революцию в военном деле” (РВД), которая, в свою очередь, еще более расширит разрыв между военными стратегиями и потенциалом Америки и Европы. Помимо этого, наблюдается образование так называемого “разрыва в ценностях”, который иллюстрируется, в частности, отказом европейских стран выдавать Соединенным Штатам лиц, подозреваемых в совершении террористических актов, потому что в Америке применяется смертная казнь.

События 11 сентября высветили тот факт, что Европе еще предстоит проделать большой путь, прежде чем она приобретет какой-то реальный вес как военный субъект. Таким образом, в обозримом будущем европейцам будет трудно играть серьезную военную роль для Соединенных Штатов в контексте ключевого приоритета Вашингтона – борьбы с международным терроризмом. Европе также придется заплатить немалую цену за то, чтобы поддерживать жизнеспособность и эффективность НАТО и трансатлантического сотрудничества. Главной задачей для Европы станет ее трансформация из *quantité négligeable* в партнера, которого Соединенные Штаты начнут воспринимать всерьез.

Сегодняшние трансатлантические отношения характеризуются опасной асимметрией. Уверенные в себе и сильные Соединенные Штаты, являющиеся единственной оставшейся сверхдержавой мира, имеют дело с растерянным и нерешительным европейским континентом, который все еще продолжает поиски своей роли и идентичности. Необходимо выработать единый западный подход к решению глобальных проблем, что возможно только в том случае, если сегодняшние союзники будут смотреть на вещи одинаково. Некоторые европейцы считают, что политический климат в Вашингтоне не допускает конструктивной критики, которая могла бы пробить брешь в стене уверенности, возведенной на фундаменте патриотизма после 11 сентября, даже если эта критика исходит от европейских союзников. В этой связи важнейший вопрос заключается в том, будет трансатлантическое сотрудничество носить спорадический или скоординированный характер.

Очевидно, что отношения между США и Европой опять на перепутье. Соединенным Штатам и Европе может становиться все трудней и трудней действовать вместе как сплоченному и единому “Западу”. Соединенные Штаты и Европа, судя по всему, медленно отдаляются друг от друга в политической, стратегической и культурной сферах. Сегодня, когда фактор холодной войны уже больше не является тем цементирующим составом, который скрепляет связи между государствами-членами НАТО, им необходимо пересмотреть стратегическую цель Альянса и лежащие в его основе ценности. Европа стоит перед дилеммой: либо смириться с превосходством Америки, либо вырабатывать и проводить в жизнь свой собственный и независимый политический курс, отдавая себе отчет в том, что в последнем случае это неизбежно приведет к трансатлантическим трениям.

Единственный способ предотвратить обесценивание трансатлантического партнерства предполагает, что Европа должна стать серьезным партнером Америки. В ближайшие годы борьба против международного терроризма будет оставаться ключевым пунктом повестки дня Запада в области обеспечения безопасности. Однако основная опасность исходит не от экстремистов с “грязными” ядерными бомбами. Главная проблема заключается в том, что “Запад” как сплоченный блок и придерживающаяся единых взглядов политическая сила может просто прекратить свое существование.

Европа и трансатлантические отношения: туманное будущее

Вступление ¹

После драматических событий 11 сентября 2001 г. Европа показала себя преданным союзником Соединенных Штатов. Государства-члены Организации североатлантического договора (НАТО) без колебаний привели в действие положение о взаимопомощи, предусмотренное статьей 5 Вашингтонского договора, заявив, что террористические атаки были нацелены не только против Нью-Йорка и Вашингтона, но и против свободного и демократического Запада в целом. На следующий день после 11 сентября Европейский Союз (ЕС) заявил, что

“...это варварское нападение было направлено против свободного мира и наших общих ценностей. Это переломное событие, и жизнь уже никогда не будет той, что прежде. Европейские институты и правительства будут работать в тесном сотрудничестве с нашими американскими друзьями и партнерами в деле защиты свободы.... В самые мрачные моменты европейской истории американцы стояли с нами плечом к плечу. Сегодня мы встаем плечом к плечу с ними”²

Были забыты трансатлантические ссоры из-за Киотского протокола, перспектив Договора по ПРО и роли Международного уголовного суда (МУС). На какой-то момент все внимание оказалось приковано к борьбе против общего врага, бросившего вызов основам западной цивилизации. Казалось, эпоха после окончания холодной войны, наконец, нашла себе новое имя и парадигму, поскольку оставшаяся часть 21 века пройдет под знаком борьбы с международным терроризмом.

Эта угроза воспринималась в качестве нового клея, скрепляющего трансатлантические отношения и заменившего собой прошлые идеологические связи. Кроме того, выдвигались предположения, что центральную роль в борьбе против терроризма могла бы играть НАТО, превратившись в главную институциональную платформу трансатлантического сотрудничества. Генеральный секретарь НАТО лорд Робертсон заявил, что “самая крупная и эффективная постоянная коалиция в мире [НАТО] будет играть центральную роль в коллективном реагировании международного сообщества на терроризм – как в настоящий момент, так и в долгосрочной перспективе”. Он указал на уникальные возможности НАТО (“способность к оперативному взаимодействию, совместные учения, совместимые системы связи и материально-технического обеспечения, которые коренятся в самой военной структуре НАТО”) и предположил, что

11 сентября навсегда изменило представления о национальной безопасности – теперь главным объектом внимания является общий враг основ западной цивилизации

“в настоящий момент НАТО является первым – на самом деле, даже единственным – парнем на деревне”. Лорд Робертсон подчеркнул, что развитие политической концепции в области безопасности и обороны ЕС находится на (самом) раннем этапе, в то время как у Организации Объединенных Наций (ООН) и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) нет “уникального состава, мощи, сплоченности и быстроты реагирования НАТО”³.

Сдержанная и взвешенная реакция администрации президента США Джорджа У. Буша после 11 сентября, казалось, говорила о том, что Соединенные Штаты осознают потребность во внешнеполитическом курсе, в большей степени ориентированном на многосторонние действия. Попытки бороться с этой новой угрозой в одиночку были бы контрпродуктивны. Соединенные Штаты согласились погасить задолженность по своим взносам в ООН, дав понять, что, по мнению Вашингтона, стратегическая значимость ООН увеличилась. К сожалению, эти позитивные тенденции оказались недолговечными. Быстрый военный успех Америки, на первый взгляд, доказал, что военное превосходство является прочной основой безопасности США. Критическим голосам из Европы вскоре перестали придавать значение, воспринимая их как жалкие стоны, доносящиеся от оставшейся на обочине “оси сварливости”⁴. Сегодня отношения между Европой и США напряжены, и признаков, указывающих на возможность их улучшения, довольно мало.

Европейские страны считают, что США их игнорируют

В настоящей статье описывается текущее состояние трансатлантических отношений и оцениваются возможности будущего сотрудничества между Европой и США. После сентября 2001 г. большинство европейских стран считает, что США их игнорируют и, судя по всему, не принимают в расчет мнений и интересов своих традиционных союзников. Эти политические проблемы усугубляются масштабным увеличением оборонного бюджета США, ускоряющим так называемую “революцию в военном деле” (РВД), которая, в свою очередь, еще более расширит разрыв между военными стратегиями и потенциалом Америки и Европы. Помимо этого, наблюдается образование так называемого “разрыва в ценностях”, что иллюстрируется тем шоком, который испытала Европа, увидев первые теле- и фоторепортажи о подозреваемых членах “Аль-Каеды”, содержащихся под стражей в лагере “Экс-Рей” в бухте Гуантанамо, а также отказом европейских стран выдавать Соединенным Штатам лиц, подозреваемых в совершении террористических актов, потому что в Америке применяется смертная казнь.

Эти признаки указывают на то, что Соединенным Штатам и Европе, возможно, будет все труднее и труднее действовать вместе как сплоченному и единому “Западу”. В политической, стратегической и культурной областях Соединенные Штаты и Европа, судя по всему, медленно отдаляются друг от друга. Европа стоит перед дилеммой: либо смириться с превосходством Америки, либо вырабатывать и проводить в жизнь свой собственный и независимый политический курс, отдавая себе отчет в том, что в последнем случае это неизбежно приведет к трансатлантическим трениям, а также будет иметь другие, еще более негативные последствия. Итак, отношения между Европой и США – уже в который раз – опять на перепутье. Однако сегодня, когда фактор холодной войны уже больше не является тем цементирующим составом, который скрепляет

государства-члены НАТО, им необходимо пересмотреть стратегическую цель своего Альянса и лежащие в его основе ценности. В настоящей статье утверждается, что США и Европа должны сотрудничать не только и не столько для отражения таких новых угроз, как международный терроризм. Это сотрудничество в первую очередь должно быть направлено на решение проблем, связанных с глобализацией, с которыми сталкиваются оба континента.

В статье доказывается необходимость выработки общего западного подхода к решению глобальных проблем, что будет можно сделать только в том случае, если сегодняшние союзники будут смотреть на вещи одинаково. Один из важнейших вопросов заключается в том, будет трансатлантическое сотрудничество носить спорадический или скоординированный характер. В статье также рассматривается проблема асимметричности текущих трансатлантических отношений: сильные и уверенные в себе Соединенные Штаты, которые являются единственной оставшейся сверхдержавой мира, имеют дело с растерянным и нерешительным европейским континентом, продолжающим искать свою роль и идентичность. Это еще более осложняет отношения между Соединенными Штатами и “Европой”.

Сильные и уверенные в себе Соединенные Штаты имеют дело с Европой, которая все еще продолжает поиски своей

Более того, когда мы говорим “Европа” или “европейская” точка зрения или политика, мы на самом деле смешиваем реальность и вымысел, не замечая того факта, что в современной Европе мы до сих пор не можем всерьез говорить о какой-либо Общей внешней политике и политике безопасности (ОВПБ) или Европейской политике в области безопасности и обороны (ЕПБО), которые заслуживали бы этих названий. ОВПБ и ЕПБО представляют собой попытки ЕС сформировать что-то вроде европейской идентичности в области безопасности и обороны, но эти попытки часто оказываются довольно сырыми в теории и еще менее удобоваримыми на практике. События 11 сентября высветили тот факт, что этой “Европе” еще предстоит проделать большой путь, прежде чем она приобретет какой-то реальный вес как военный субъект. Таким образом, в обозримом будущем европейцам будет трудно играть важную военную роль для Соединенных Штатов в контексте ключевого приоритета Вашингтона – борьбы с международным терроризмом. Европе также придется заплатить немалую цену за то, чтобы поддерживать жизнеспособность и эффективность НАТО и трансатлантического сотрудничества. Главной задачей для Европы станет ее трансформация из *quantité négligeable* в партнера, которого Соединенные Штаты начнут воспринимать всерьез. В конце настоящей статьи представлен ряд предложений относительно того, как Европа могла бы стать таким серьезным партнером, осознав, что это является единственным способом предотвратить обесценивание трансатлантического партнерства.

Сдвиг парадигмы Вашингтона

Даже в Европе заметно некоторое недовольство, пусть пока и сдержанное, по поводу лидерства Америки и тех способов, которые та применяет для того, чтобы играть доминирующую роль в определении глобальной повестки дня в экономической, политической и военной областях. Как мы можем сегодня видеть, первоначальная волна сочувствия и солидарности с Соединенными Штатами, вызванная террористическими

атаками, уступает место все более усиливающимся антиамериканским настроениям. Из уст европейских политиков все чаще и чаще звучат критические замечания. Так, Кристофер Паттен, отвечающий за внешние связи в Европейской комиссии, в феврале 2002 г. заявил: “Несмотря на всю вашу мощь, вы не сможете решить все задачи в одиночку, даже если вы являетесь величайшей сверхдержавой мира”. По мнению Паттена, Европа использует совершенно иной подход, потому что в борьбе против международного терроризма “умные бомбы имеют важное значение, но умные программы содействия развитию представляются еще более важными... Попытки включить эти страны в международное сообщество и вовлечь их в его деятельность принесут больше пользы, чем изоляция этих стран”⁵. Аналогичные идеи и критические замечания можно было слышать и от министра иностранных дел Франции Юбера Ведрена и его немецкого коллеги Йошки Фишера⁶. Многие европейские политики (в основном, в частном порядке) также выражали свое беспокойство в связи с манихейским и ориентированным на военную силу подходом Соединенных Штатов к ведению “войны” против международного терроризма.

Задача Америки – прислушиваться к Европе, а задача Европы – стать серьезным партнером Соединенных Штатов

Американским политикам следует прислушаться к этой критике. К сожалению, политический климат в Вашингтоне не позволяет критическим замечаниям пробить брешь в стене уверенности, возведенной на фундаменте патриотизма после 11 сентября, даже если эта критика исходит от европейских союзников. Конечно, трудно использовать полутона и нюансы в рамках черно-белой картины мира под названием “вы либо с нами, либо против нас”, официально нарисованной президентом

Бушем в сентябре прошлого года. В этом контексте европейская критика, пусть даже самая мягкая и конструктивная, воспринимается не как позитивное участие, а как еще один признак слабости и недостаточной преданности. Это стало серьезным препятствием, которое мешает сохранять здоровые трансатлантические отношения. Но прежде чем мы перейдем к анализу конкретных проблем, возникших в отношениях между Соединенными Штатами и Европой, необходимо разобраться в том, каким образом 11 сентября изменило американское мировоззрение, и особенно в том, чем это мировоззрение отличается от “видения мира по-европейски”.

Патриотизм

После 11 сентября в Соединенных Штатах наблюдается подъем патриотизма, который указывает на то, что против терроризма и в самом деле ведется “война”. Многие европейцы смотрят на этот “сбор вокруг американского флага” не только с чувством удивления, но и с некоторым восхищением. Влияние всей этой патриотической риторики и размахивания флагами на американский народ, которое, на первый взгляд, похоже на наркотическое воздействие, превращает возможное поражение в моральную и политическую победу. Атмосфера праведного гнева продолжает окрашивать в соответствующие цвета внешнюю политику и политику безопасности США. Она также оказывает негативное воздействие и на трансатлантические отношения.

В своем послании Конгрессу “О положении в стране” от 30 января 2002 г. президент Буш предложил проводить активную интервенционистскую политику для нейтрализации

так называемой “Оси зла” – группы антизападных государств, в которую входят Иран, Ирак, Северная Корея, Куба, Сирия и Ливия. Буш недвусмысленно дал понять, что это будет трудная и долгая битва, в которой поддержка со стороны американских союзников отнюдь не гарантирована: “Но некоторые правительства проявят робость перед лицом террора. И можете не сомневаться – даже если они откажутся действовать, Америка не откажется”⁷. В том же духе президент Буш ранее провел через Конгресс т.н. “Патриотический закон США”, который фактически представляет собой комплекс жестких антитеррористических законов, вызвавших ряд серьезных вопросов у организаций по защите гражданских прав⁸. Принятый оборонный бюджет администрации Буша на новый 2003 финансовый год составляет 379 млрд. долл. США. Это самое резкое увеличение расходов на оборону (более чем на 14%) за последние 20 лет.

Все это иллюстрирует тот факт, что Америка ощущает себя осажденной врагами и более уязвимой, чем когда бы то ни было, но в то же время – и более готовой, чем когда бы то ни было, встретить новую угрозу международного терроризма с открытым забралом. Вряд ли стоит удивляться тому, что президент Буш назвал эту борьбу “крестовым походом”, в котором Соединенные Штаты во главе “цивилизованного мира” сражаются против “сил зла”. Коль скоро европейские политики не могут поддержать это черно-белое видение мира, их попытки найти общий язык с такими странами, как Иран, Сирия или Ливия, вызывают у Америки подозрения. То же самое относится и к Токио с его сомнениями по поводу целесообразности конфронтации с Северной Кореей.

Принципиальное лидерство

В этой напряженной политической атмосфере вряд ли есть место дипломатическим нюансам. Америка принимает своих союзников на прагматичной основе: двери открыты любому, кто готов предложить конкретную поддержку в деле борьбы с международным терроризмом, при условии, что он согласен с лидирующей ролью США. Заместитель министра обороны США Пол Вулфовиц заявил, что “миссия должна определять коалицию, а не коалиция – миссию... Из этого следует, что будет создана не одна коалиция, а разные коалиции для разных миссий”⁹. Таким образом, американский *modus operandi* заключается в следующем: сначала нужно определить миссию и ее цель, а уже потом принимать решение относительно наиболее эффективной и гибкой коалиции, способной обеспечить ее успешное достижение.

Безусловно, этот подход имеет свои преимущества, но он подразумевает, что НАТО более не является привилегированной и естественной институциональной платформой для координации западной политики в области борьбы с терроризмом. Он также означает, что европейские союзники играют незначительную или даже маргинальную роль. Ирвин Стельзер сформулировал эту точку зрения следующим образом: “Короче говоря, те, от кого зависит принятие решений [в Вашингтоне], убеждены в двух вещах: важные глобальные дела будет делать Америка, которая не позволит никакой коалиции навязывать ей ту или иную миссию; Европа не играет практически никакой роли в наших попытках обезопасить Америку от дальнейшего вреда”¹⁰. Если посмотреть на это глазами Америки, такой подход отражает принципиальное лидерство США. Ясно, что представить худшие сценарии довольно легко. Как сказал Чарльз Краутхэммер в своей статье в журнале “Тайм”, “Америка господствует, и слава Богу. Кто еще должен играть первую

скрипку? Китай? Иран? Русская мафия?”¹¹ Тем не менее, беспокойство вызывает тот факт, что Европа сможет и впредь высказывать свое мнение по жизненно важным вопросам, но, увы, она не в состоянии больше влиять на внешнюю политику Вашингтона. И похоже, что Европа сама это понимает. Сейчас, когда ЕС находится в процессе определения своей идентичности как независимого международного субъекта, это представляется особенно печальным и вызывает напряженность в трансатлантических отношениях.

Послание Буша Конгрессу “О положении в стране” с его акцентом на дипломатии принуждения и превентивных ударах указывает на то, что в Вашингтоне восторжествовала идея необходимости действовать в одностороннем порядке. Такие политики, как вице-президент Ричард Чейни и министр обороны Дональд Рамсфельд, не видят причин, по которым Соединенным Штатам следовало бы поступаться своими национальными интересами, чтобы учесть сомнения и обеспокоенность их европейских союзников. Поскольку Соединенные Штаты являются единственной сверхдержавой мира, им следует использовать свое уникальное положение для того, чтобы избавить мир от угроз безопасности. С приходом к власти администрации Буша возобладал новый подход. Времена администрации Клинтона, которая старалась сохранить дружеские отношения со всеми, в том числе и с европейскими союзниками, остались в прошлом. Нынешняя республиканская администрация использовала 11 сентября для того, чтобы порвать с этой склонностью к многосторонним действиям. Республиканцы не хотят наступать на грабли кампании в Косово, где вооруженным силам США пришлось сражаться со связанными руками и выслушивать при этом критические замечания от Североатлантического совета (в основном, со стороны французов), касающиеся списков целей и других тактических решений. Соединенные Штаты начали американскую войну против террористов, которые напали на Америку. Эта война будет идти под американским руководством и в соответствии с американскими правилами ведения боевых действий.

Американский гулливер использовал 11 сентября для того, чтобы разрубить многосторонние пути, и наблюдателям-лилипугам придется принять это как свершившийся факт

Вместе с тем, важно подчеркнуть, что 11 сентября может лишь отчасти объяснить то новое настроение, которое овладело политическими кругами в Вашингтоне. Террористические атаки являются как причиной, так и удобным оправданием новой решимости Америки действовать в одностороннем порядке. Еще до 11 сентября Вашингтон начал разрывать юридические и политические узы, ограничивающие его пространство для маневра. Это подтверждается его отказом от ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), решением выйти из Договора по ПРО, а также оппозицией и противодействием Киотскому протоколу и МУС. Европа, Россия и остальной мир имеют дело с Америкой, которая не желает принимать в расчет озабоченность других

государств, поскольку она считает, что сегодня на карту поставлено ее собственное выживание в качестве свободной и процветающей страны. Американский гулливер использовал 11 сентября для того, чтобы разрубить многочисленные многосторонние пути, ограничивающие его силу, и наблюдатели-лилипуги могут сколько угодно выражать свое недовольство, но им придется принять это как свершившийся факт.

Внешнее зло

Итак, проблема, возможно, заключается в том, что то, что Америка считает обоснованным и принципиальным лидерством, другими может восприниматься как американская гегемония и властные замашки. И действительно, вряд ли можно считать оправданной ситуацию, в которой одна страна будет выполнять функции мирового политического лидера, полицейского, судьи и, в конечном итоге, “Великого палача”. Хотя Соединенные Штаты могут по-прежнему рассчитывать на широкое сочувствие и доброжелательное отношение во многих странах мира (особенно после того, как они пострадали от зверств террористов), к США начинают относиться со все большим подозрением, которое может вылиться в открытое несогласие, если Америка начнет военную операцию против Ирака. Ирак – это тот рубикон, перед переходом которого Соединенным Штатам следует трижды подумать.

Хотя ближневосточный кризис отвлекает внимание СМИ от политики США в отношении Ирака, военное решение иракской проблемы остается одним из возможных вариантов. 12 февраля 2002 г. госсекретарь Колин Пауэлл заявил следующее: “Что касается Ирака, то политика правительства Соединенных Штатов давно – вот уже несколько лет – исходит из того, что смена режима полностью отвечает интересам данного региона, интересам иракского народа. И мы рассматриваем целый ряд вариантов достижения этой цели”¹². Буквально на следующий день было объявлено, что Пентагон и Центральное разведывательное управление (ЦРУ) готовятся к возможному вторжению американских войск в Ирак¹³. Весной 2002 г. американские СМИ пестрели прогнозами, касающимися времени начала наземной и воздушной военной операции против Саддама Хуссейна. В тот момент почти все сошлись во мнении, что “наступление, вероятно, будет отсрочено до начала следующего [2003] года, что даст возможность создать подходящие военные, экономические и дипломатические условия”¹⁴.

**Вряд ли ЕС
поддержит
военную кампанию
против Ирака**

В кампании США против Ирака может принять участие (как политическое, так и военное) Соединённое Королевство. Однако остальные европейские страны либо займут нейтральную позицию, либо выступят с резким осуждением подобной военной акции. Вряд ли у ЕС хватит политической воли и сплоченности для того, чтобы оказать Соединенным Штатам какую-либо серьезную поддержку. Столь же маловероятно и то, что Европе удастся выработать альтернативный план действий в отношении “государств-злодеев”, план, который позволил бы избежать проведения подобных военных операций Соединенными Штатами. Более подробно мы рассмотрим эти вопросы ниже.

Перспектива нанесения военного удара под руководством США по любой из стран “Оси зла”, и особенно по Ираку, будет воспринята Россией с недовольством. Президенту Владимиру Путину уже хватило проблем, когда он убеждал скептически настроенную общественность и элиту в том, что его конструктивная политика оказания поддержки Соединенным Штатам в борьбе против международного терроризма соответствует национальным интересам России. НАТО попыталась предоставить Москве возможность оказывать большее влияние на выработку политики внутри Альянса. Саммит НАТО, состоявшийся в ноябре 2001 г., приоткрыл России дверь, пусть и не слишком широко.

Перед этим саммитом британский премьер-министр Тони Блэр разослал своим коллегам по НАТО письмо с просьбой усилить роль России внутри НАТО в качестве своего рода “награды” за ту поддержку, которую оказал Путин в Афганистане и за его пределами в самый разгар битвы с движением “Аль-Каеда”. Блэр предложил предоставить России возможность оказывать определенное влияние в Североатлантическом совете (САС) в ряде областей, представляющих взаимный интерес (включая урегулирование кризисов, нераспространение ядерного оружия и некоторые военные аспекты борьбы с международным терроризмом). Пентагон отнесся к этому предложению довольно прохладно и заблокировал участие России, и в коммюнике НАТО от 6 декабря просто заявлялось о том, что в ближайшие месяцы следует изыскать возможности включения России в процесс изучения, разработки и “создания на базе основополагающего акта [о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Россией и НАТО] новых и эффективных механизмов консультаций, сотрудничества, совместного принятия решений и осуществления скоординированных/совместных действий”.

Судя по всему, на встрече министров обороны государств-членов НАТО в Рейкьявике 14-15 мая 2002 г. топор холодной войны, наконец, был закопан. НАТО и Россия заключили официальное соглашение о совместной борьбе с терроризмом и отражении других угроз общей безопасности. Долгожданный Совет России и НАТО, который начал свою работу во время римской встречи 28 мая 2002 г., будет определять совместную политику по конкретным вопросам, в том числе в области борьбы с терроризмом, распространения оружия массового поражения, противоракетной обороны (ПРО), проведения миротворческих операций и урегулирования региональных кризисов. Это означает, что во многих случаях НАТО будет проводить совещания “в формате 20”, т.е. дискуссии Североатлантического совета будут проходить при участии представителя России. Было объявлено, что в рамках нового Совета “государства-члены НАТО и Россия будут работать как равноправные партнеры в областях, представляющих общий интерес, с сохранением исключительного права НАТО на независимые действия”¹⁵. Это подразумевает, что НАТО сохраняет абсолютную автономию в отношении своей “основной деятельности” – осуществления коллективной обороны, но при обсуждении большинства так называемых “вопросов Статьи 4” (касающихся политических консультаций) будет учитываться интересы и взгляды России.

Три трансатлантические проблемы:

- **ослабление мощи НАТО**
- **гигантский скачок США в РВД**
- **попытки сохранить общее видение мира**

И все же маловероятно, что это способно погасить усиливающееся недовольство России внешней политикой Америки. В частности, то и дело возникает вопрос – зачем Соединенным Штатам понадобилось дислоцировать свои вооруженные силы вокруг Афганистана (например, в Грузии, Узбекистане и Таджикистане). Российские националисты считают, что 11 сентября было для Соединенных Штатов “подарком с неба”, который дал им повод для установления контроля над маршрутами транспортировки каспийской нефти. Помимо этого, многие “государства-злодеи” были или являются стратегическими союзниками и торговыми партнерами России, с которыми ей будет трудно резко порвать все отношения. Москва считает, что ее не воспринимают всерьез, к ее мнению не прислушиваются, и она лишена сколько-нибудь серьезного

влияния на процесс выработки политики администрацией Буша и Конгрессом США. Если роль Европы стала маргинальной, то Россия была де-факто исключена из стратегического списка государств, к мнению которых прислушиваются в Вашингтоне. Очевидно, что это обстоятельство будет вызывать осложнения и проблемы в сотрудничестве между Россией и США.

Все эти критические голоса принимаются в Вашингтоне к сведению, но, конечно, не вызывают у него одобрения. Госсекретарь Пауэлл, например, заявил, что его европейским коллегам следовало бы столь же критично относиться к Ираку, как они относятся к президенту Бушу и его внешней политике. Представитель США в ЕС Рокуэлл Шнейбл заметил: “Мы полагаем, что в будущем нам будет все трудней и трудней работать вместе как партнерам”¹⁶. Вашингтон воспринимает европейскую критику как “нытье” и проявление слабости и нерешительности. Это *incompatibilité d'humeur* представляет собой одну из самых серьезных проблем, омрачающих отношения между Соединенными Штатами и Европой (а также Россией). Она затрудняет установление честных и открытых связей, если не делает их вообще невозможными. Одна из главных задач – переломить эту тенденцию. Однако есть еще одна дилемма: если Европа признает лидирующую роль Соединенных Штатов и будет следовать за ними безо всякой критики, это не будет способствовать процессу американского самоанализа, которому следовало бы начаться уже давно. С другой стороны, если Европа продолжит свои критические нападки на США, не делая при этом никаких конструктивных предложений по выработке политики, это подорвет и без того шаткую основу трансатлантической солидарности и доверия. Оба варианта в равной степени неприемлемы. Есть ли выход из создавшегося положения?

Разрушающийся фундамент трансатлантических отношений

Сложности в отношениях между Европой и Соединенными Штатами обусловлены тремя проблемами:

1. НАТО более не является исключительной институциональной платформой для решения практических проблем в области обеспечения американской и европейской безопасности;
2. Соединенные Штаты стремительно осуществляют “революцию в военном деле”, оставив своих европейских союзников далеко позади. Это означает, что в будущем союзники по НАТО не смогут участвовать в проведении военных операций на равных; и
3. Соединенные Штаты и Европа больше не придерживаются единых взглядов на пути ликвидации самых насущных глобальных проблем и угроз. Кроме того, они часто расходятся во мнениях относительно определения этих проблем и угроз.

Эти серьезные проблемы, угрожающие самому существованию Альянса, заставляют задаться вопросом: что нужно делать “Западу”, чтобы сохранять свою важную стратегическую роль и в будущем? Очевидно, что даже американская “гипердержава”, как часто называют Соединенные Штаты во Франции, не сможет решать все проблемы в одиночку, и ей потребуется политическая и практическая поддержка. Проблемы

терроризма и распространения оружия массового поражения нельзя ликвидировать в одночасье, и их успешное решение в долгосрочной перспективе требует выработки широкого и скоординированного многостороннего подхода. Для того, чтобы понять характер и осознать глубину текущего трансатлантического кризиса, нам необходимо изучить эти три проблемы более подробно.

НАТО больше не нужна?

Всего лишь через 24 часа после падения башен-близнецов ВТЦ государства-члены НАТО применили статью 5 Вашингтонского договора. Это был очень эмоциональный период, в который европейские союзники заявили о своей “безоговорочной солидарности” с правительством США и американским народом. В одном из заголовков в газете “Ле Монд” даже было сказано: “*nous sommes tous Américains*” (мы все американцы)¹⁷. Этот период солидарности продолжался всего лишь пять месяцев. В феврале 2002 г. НАТО снова залезла в свой пыльный чулан и извлекла оттуда стародавние вопросы, касающиеся ее будущего: Каково стратегическое значение НАТО? Как нужно подходить к проблеме разделения бремени между союзниками? Не пора ли Соединенным Штатам и Европе рассмотреть возможность усиления жизнеспособности своего Альянса – возможно, посредством расширения сотрудничества и заключения новой трансатлантической “Великой сделки”?

После 11 сентября НАТО играла полезную, но никак не центральную и тем более не жизненно важную роль. Помимо приведения в действие статьи 5, европейские союзники предоставили США неограниченное право пролета над своей территорией и направили самолеты-радары АВАКС для оказания Америке содействия в патрулировании воздушного пространства. Кроме того, НАТО сыграла и не столь очевидную или заметную полезную роль, на которую часто не обращают внимания: долгие годы интенсивного и эффективного военно-политического сотрудничества между государствами-членами НАТО, странами Центральной Европы и Центральной Азии в рамках Совета евроатлантического партнерства (СЕАП) значительно облегчили создание коалиции, необходимой для принятия адекватных мер в ответ на события 11 сентября. Кроме того, участие в формировании Международных сил содействия безопасности (МССБ), которые создают иллюзию законности и порядка в Кабуле и его окрестностях с января 2002 г., было для европейских стран сравнительно простой задачей, потому что они могли опереться на свой опыт членства в НАТО и проведения совместных операций. Помимо этого, у НАТО есть собственный Центр по ОМП, который занимается защитой гражданских лиц и военных от воздействия ядерного, химического и бактериологического оружия. Все эти факторы сыграли важную положительную роль, которую не следует принижать.

Но как бы то ни было, от Альянса ожидалось и ожидается нечто большее. Многие надеялись, что риторика лорда Робертсона превратится в реальность, и НАТО на самом деле трансформируется в стержень усилий Запада, направленных на преодоление новой угрозы катастрофического терроризма. Этого не произошло. Бывший премьер-министр Швеции Карл Бильдт недавно задал такой вопрос: “Будут ли американцы когда-либо вести военные действия в рамках НАТО? Сомнительно. Соединенные Штаты оставляют за собой право вести войну, спихивая другим тяжелое и дорогостоящее дело

государственного строительства и поддержания мира”¹⁸. Сенатор-республиканец Ричард Лугар (от штата Индиана) заявил, что “если НАТО не поможет справиться с самой острой на сегодня угрозой безопасности наших стран – угрозой, которая, на мой взгляд, носит экзистенциальный характер, поскольку речь идет о возможности применения оружия массового поражения, – то она перестанет быть тем ведущим альянсом, которым она являлась до сих пор, и будет играть все меньшую и меньшую роль”¹⁹.

Лорд Робертсон ясно заявил, что терроризм будет ключевой угрозой безопасности в XXI веке. Учитывая глобальный характер терроризма, ответы НАТО также должны быть глобальными. Лорд Робертсон пришел к простому выводу: “НАТО и ее государства-члены должны расширить свою ответственность как необходимую базу сотрудничества в области обороны, чтобы стать главным инструментом развития роли вооруженных сил с целью оказания содействия в деле ликвидации угрозы терроризма”. Далее он определил четыре области, в которых НАТО могла бы играть такую роль: 1) своевременное определение и выявление террористических угроз; 2) защита объектов гражданской и военной инфраструктуры и населения; 3) ликвидация последствий возможных будущих террористических нападений; и 4) подготовка превентивных военных операций. Лорд Робертсон подчеркнул, что последний элемент играет особенно важную роль, потому что “тех, кто отправляется на смерть ради достижения своих сомнительных целей, вряд ли удастся сдержать при помощи обычных средств. Военные удары по террористам и их сетям часто являются единственным эффективным средством предотвращения дальнейшего вреда”²⁰. Военная операция США в Афганистане подтвердила справедливость этой оценки, и теперь НАТО может использовать ее в качестве примера для подражания.

Это амбициозная программа, и вряд ли ее удастся принять и реализовать в обозримом будущем. Столь явный выход НАТО за пределы своей компетенции и нанесение превентивных ударов по возможным источникам угрозы представляется весьма и весьма маловероятным. И дело не только в том, что Соединенные Штаты не захотят ограничивать свое пространство для маневра, координируя свою собственную военную политику в рамках САС, – несколько государств-членов НАТО не согласятся с такими действиями без четкого мандата Совета безопасности ООН. Поскольку другие указанные лордом Робертсоном задачи Альянса носят политический характер, прямое “военное” участие НАТО в борьбе против международного терроризма, скорее всего, будет оставаться минимальным.

В сфере политики ситуация вселяет больший оптимизм. НАТО использует антитеррористическую кампанию для укрепления связей с партнерами по СЕАП, и особенно с Россией. Несмотря на тот факт, что Москва преследует свои собственные и весьма специфические цели в борьбе с терроризмом и определяет эту борьбу тоже по-своему (имеется в виду ее политика в отношении Чечни), НАТО сегодня, похоже, занимается очаровательным стриптизом, скидывая свои одеяния времен холодной войны и двигаясь к созданию системы безопасности на базе сотрудничества. Это смелое решение, которое связано с

Положительный политический момент: НАТО использует борьбу с терроризмом для укрепления своих связей с партнерами по СЕАП, и особенно с Россией

определенными рисками. Предоставление России большего влияния в САС – особенно с учетом принятия в ряды НАТО от пяти до семи стран на саммите в Праге, проведение которого запланировано на ноябрь текущего года, – трансформирует характер и роль Альянса и превратит его из классической трансатлантической организации по обеспечению коллективной обороны в субъект совершенно иного качества. Таким образом, 11 сентября изменило НАТО навсегда.

Из-за применения положений статьи 5 и отказа Соединенных Штатов использовать НАТО в полном объеме Альянс потерял свой мифический характер. Теперь статья 5 воспринимается как славная декларация солидарности, которая, в отличие от прошлых лет, не предполагает автоматического применения и лишена железных гарантий. Это означает, что 11 сентября усилило уже существующую политическую роль НАТО и ослабило ее военное значение. Таким образом, предполагаемое расширение НАТО вызовет меньше сложностей и меньше споров. Будучи полностью вовлеченной в работу Альянса, Россия будет реже выражать беспокойство по поводу “посягательств” НАТО на бывшую сферу ее интересов. Как следствие, более политизированная НАТО будет играть положительную роль в изменении стратегического ландшафта Европы, но уже без доминирующего военного компонента, характерного для Альянса в прошлом. В этом смысле НАТО совсем не является лишней и, скорее всего, будет по-прежнему играть важную роль в деле обеспечения трансатлантической безопасности в новых политических условиях.

Разрыв в военной мощи

В настоящий момент Соединенные Штаты состязаются по части вооружений сами с собой. Очевидно, что Соединенные Штаты эту “гонку” выиграют, но она может нанести серьезный вред трансатлантическим отношениям. Это можно считать политическим “побочным ущербом” американской РВД.

Многое было написано и сказано об этой технологической революции, которая, согласно Гордону Адамсу, связана со “сложными системами командования, управления, связи, компьютерных вычислений, разведки, наблюдения и рекогносцировки (C4ISR), каналами передачи данных и высокоточным оружием. Этот комплекс технологических возможностей является одним из главных множителей вооруженных сил 21 века, и его влияние на военные операции будет только усиливаться”²¹. В полной мере преимуществами РВД пользуются только Соединенные Штаты. Еще в мае 2001 г. заместитель министра обороны США Вулфовиц говорил, что в будущем военная стратегия США будет “определяться потенциалом, а не угрозами”. Это означает, что РВД будет развиваться в соответствии со своей собственной динамикой, поскольку увеличение оборонного бюджета и активное внедрение США новых военных технологий приведут к тому, что лет через десять уровень вооруженных сил США станет просто недостижимым. В этом отношении США резко контрастируют с Европой, где оборонные бюджеты большинства стран сокращаются, а недавно сформулированная ЕПБО ЕС пока привела к весьма скромным успехам. Даже после двух десятилетий обсуждений и планирования промышленная база европейской обороны остается фрагментированной, а политическая координация (в области стратегического планирования и размещения оборонных заказов) носит спорадический и немного хаотичный характер. Возможно, глубину пропасти между

военными возможностями США и Европы лучше всего иллюстрирует тот факт, что расходы Соединенных Штатов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) составляют 28 000 долларов в год на 1 солдата, т.е. примерно в четыре раза больше, чем в среднем по Европе.

Над двумя вопросами стоит задуматься. Во-первых, как американская РВД влияет на практические возможности трансатлантического сотрудничества? Во-вторых, какие последствия она будет иметь для политического сотрудничества союзников?

Военная операция в Афганистане показала, как могут выглядеть войны будущего: специально обученные отряды коммандос при помощи портативных компьютеров, лазерной техники и спутниковых телефонов определяют местоположение целей, которые через полчаса уничтожаются ближайшими бомбардировщиками В-1, В-2, В-52 или самолетами-истребителями. В случае необходимости коммандос могут передвигаться на лошадях, что иллюстрирует знаменитую гибкость вооруженных сил США в сценариях войн будущего²². Во время кампании в Афганистане бомбардировщики В-52 базировались на острове Диего-Гарсия в Индийском океане, в то время как В-2 вылетали с баз в штате Миссури и возвращались домой в пределах 44 часов. В данном случае важное значение имеет тот факт, что эти современные технические средства уменьшают зависимость Соединенных Штатов от их союзников, когда нужно “делать дело”. Участие союзников считается политически целесообразным, но ненужным с военной точки зрения, так оно может даже уменьшать эффективность и вероятность успешного проведения военных операций. В Пентагоне даже европейских союзников называют “горе-помощниками”, которым не приходится рассчитывать на то, что они смогут оказывать серьезное политическое влияние.

В Афганистане вооруженные силы США “испытали” более 30 новых военных технологий, в том числе беспилотный самолет “Предейтор”, которому удалось уничтожить свою цель (танк) ракетами “Хеллфайр”. В ходе операции применялись термобарические бомбы, а также новые виды микроволнового оружия, которые не убивают, а временно выводят живую силу противника из строя. Тем, кто посвящен в технические детали РВД, границы между реальностью и научной фантастикой могут показаться размытыми. Министр обороны США Рамсфельд заявил, что отряды коммандос зарекомендовали себя так хорошо, что развитие этих гибких, оснащенных по последнему слову техники бригад станет одним из приоритетов. Это будет еще одним шагом вперед в направлении так называемых “сетевых войн” (СВ), которые обеспечивают более эффективный контроль вооруженных сил США над такими факторами, как пространство и время, и дают им стратегические, оперативные и тактические преимущества в ходе боевых действий.

В данном случае это тоже не сулит НАТО ничего хорошего. В феврале 2002 г. лорд Робертсон заявил, что “гигантские дополнительные капиталовложения [Соединенных Штатов] в оборону сделают невозможным обеспечение практической оперативной совместимости с союзниками США по НАТО или коалициям. Между вооруженными силами США, с одной стороны, и европейскими и канадскими

Европа стоит перед выбором: военная модернизация или маргинализация

вооруженными силами, с другой стороны, образуется непреодолимый разрыв. Перед Вашингтоном может возникнуть следующий выбор: либо действовать в одиночку, либо вообще не действовать. А это означает полное отсутствие выбора»²³. Робертсон предложил два выхода. Во-первых, европейские страны должны увеличить свои расходы на безопасность и оборону – как по отдельности, так и в рамках ЕПБО. По мнению Робертсона, для Европы выбор ясен: “модернизация или маргинализация”. Во-вторых, правительству США следует ослабить жесткие ограничения на экспорт технологий, действующие в отношении его европейских союзников, дав им возможность хотя бы отчасти воспользоваться преимуществами американской РВД.

В общем и целом, пока нет ответа на вопрос о том, смогут и захотят ли европейские страны идти в ногу с американской РВД. Европа не стала инвестировать средства в разработку новейших военных технологий и уже пожинает свои мирные дивиденды в эпоху, наступившую после окончания холодной войны. Европа отстает от США в двух основных областях. Во-первых, она только недавно создала крупных “подрядчиков, специализирующихся в области системной интеграции в области обороны”. Эти подрядчики играют огромную роль в адаптации коммерческих высоких технологий к нуждам вооруженных сил. Европейская аэрокосмическая оборонная компания (EADS), созданная в 1999 г., обладает необходимыми организационно-техническими возможностями для того, чтобы выполнять функцию посредника между технологическими разработками коммерческого и военного назначения. Во-вторых, – и, возможно, это еще более серьезная проблема, – Европа пока не сформулировала и не интегрировала совместную военную стратегию на основе этих высоких технологий военного назначения. Соединенные Штаты очень быстро приспосабливаются к новому стратегическому мышлению (например, в части СВ или информационных войн) во всех областях: военной подготовки, проведения учений и испытаний. По уровню технического развития Европа изрядно отстала от США, что позволило председателю Совета по оборонной политике Пентагона Ричарду Перлу заявить, что европейские вооруженные силы “атрофировались до точки практически полной бесполезности”²⁴.

Сбалансированное военное сотрудничество будет затруднено, если Соединенные Штаты не будут готовы заниматься миротворчеством, а Европа не будет готова воевать

Американская РВД имеет серьезные последствия для НАТО, делая более сложным и, как следствие, менее вероятным эффективное сотрудничество Соединенных Штатов и Европы при проведении совместных военных операций. Поскольку Соединенные Штаты имеют доступ к большому объему разведывательной информации в режиме реального времени, обладают более совершенными военными технологиями и иначе смотрят на вопросы применения силы, можно констатировать, что НАТО как преимущественный военный инструмент атлантического сотрудничества и действий де-факто была свергнута со своего трона. Кроме того, – и это, наверное, еще более печально, – старая концепция “разделения бремени” наполняется новым смыслом: Соединенные Штаты занимаются установлением мира при помощи силы, в то время как Европа – поддержанием мира и послевоенным восстановлением. Как сказал сенатор Лугар в марте 2002 г., “сегодня в Афганистане на земле работает больше европейцев, чем американцев. И именно Европа, а не Америка, собирается взять на себя

значительную часть затрат на восстановление Афганистана. В этих областях они показали себя превосходными союзниками”²⁵. То же самое можно сказать и о разделении труда между союзниками в Боснии и Косово.

Вашингтон ясно дал понять, что его вооруженным силам претит заниматься “мытьем окон”, т.е. решать приземленные задачи миротворчества и мирного строительства. Однако это удобное разделение труда, безусловно, является неприемлемым с политической точки зрения, так как оно вполне может еще более обострить стратегические разногласия между союзниками и, как следствие, подорвать чувство солидарности и ограничить возможности для практического сотрудничества. Но до тех пор, пока Соединенные Штаты не будут готовы к “мытью окон”, а европейцы – к “ведению войны”, обеспечение сбалансированного военного сотрудничества будет оставаться трудной задачей, и лучшее, на что можно будет рассчитывать, – это тесное сотрудничество в выработке скоординированного трансатлантического подхода к решению глобальных проблем.

Таким образом, политические последствия этих тенденций для трансатлантических отношений представляются в лучшем случае неоднозначными. Новый статус-кво в отношении разделения бремени между союзниками может быть удобен, но, в конечном итоге, нарушит баланс внутри Альянса и эффективность его функционирования. Проблема заключается не только и не столько в различиях между военными возможностями Соединенных Штатов и европейских стран, а в том простом факте, что эти возможности отражают разное видение мира и глобальных проблем Соединенными Штатами и Европой. В своей статье, посвященной культурным факторам, определяющим стратегическое мышление Соединенных Штатов, Колин С. Грей верно подметил, что “лучше это или хуже, но Соединенные Штаты – это общество, которое не любит делать растянутых во времени инвестиций, окупающихся в отдаленной перспективе... Американцы не торопятся с применением силы, но когда они решают ее применить, то, будучи гражданами исключительного государства, они рассчитывают на безоговорочную победу”²⁶. Что касается культурных особенностей европейского стратегического мышления, то Европа предпочитает компромиссы и “умиротворение”, поскольку интеграция ЕС разрушила все иллюзии в отношении абсолютного суверенитета и неуязвимости.

Это означает, что американская РВД отражает культуру стратегического мышления, ориентированную на действия. Такой подход вполне могла бы взять на вооружение и Европа, но она этого не делает по целому ряду практических и культурных причин. Не приходится сомневаться в том, что если бы государства-члены ЕС объединили свои усилия, финансовые средства и прочие ресурсы, “европейская РВД” могла бы стать реальностью. Европа не испытывает дефицита денежных средств или политической зрелости, необходимых для такого шага. Но поскольку большинство европейских стран считает, что это стратегически нецелесообразно, никакой РВД не произошло. Ни политическая элита, ни общественность европейских стран не видит необходимости в значительном увеличении расходов на оборону по сравнению с расходами на здравоохранение, программы содействия развитию и т.д. Таким образом, расширяющийся трансатлантический разрыв в военном потенциале отражает параллельно расширяющийся разрыв в сферах политики и стратегии. Сегодня вопрос заключается в том, насколько серьезен этот второй разрыв и какими тенденциями он характеризуется – к сужению или дальнейшему расширению.

Не будет преувеличением переформулировать этот вопрос следующим образом: какую роль должна играть Европа в зарождающийся период американского глобального доминирования? Международные террористы могут попытаться подорвать американское могущество “асимметричными военными методами”. Бросить вызов Соединенным Штатам как равному сопернику они не могут по определению. В обозримом будущем Соединенные Штаты будут оставаться единственной сверхдержавой. Еще совсем недавно для большинства европейцев это означало уверенность в том, что они могут и дальше на дармовщинку пользоваться мощью США и наслаждаться сопутствующими ей коллективными благами: порядком, свободой и процветанием. Мощь США традиционно шла на пользу Европе. Как сказал Краутхэммер, “кто еще должен играть первую скрипку?” Тем не менее, уверенность в благоприятном влиянии американской мощи быстро улетучивается.

То, как ведет себя Америка в последнее время, заставило остальной мир поставить под сомнение удобный тезис о благоприятном влиянии американского могущества. Вся Европа поддерживает Киотский протокол, МУС, Оттавский договор (о запрещении противопехотных мин) и Договор по ПРО, но Соединенные Штаты – нет. Когда Соединенные Штаты всерьез рассматривают возможность использования тактических ядерных ракет малой мощности для ликвидации источников угрозы применения ОМП, о чем говорилось в “Аналитическом отчете по структуре ядерных сил”, просочившемся в прессу в марте 2002 г., это противоречит духу Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и, скорее всего, предвещает кончину ДВЗЯИ и других режимов ограничения испытаний, а значит и разработки ОМП. Если Соединенные Штаты применят военную силу против какой-либо из стран “Оси зла” (наиболее вероятным кандидатом является Ирак) и нанесут по ней упреждающий удар, это создаст прецедент, и другие государства могут последовать этому примеру в менее очевидных ситуациях (например, Китай против Тайваня, Россия против Грузии и т.д.), что может открыть ящик Пандоры и привести к глобальной анархии. Если бы речь шла о “простой” разнице во мнениях равных партнеров, то на это можно было бы не обращать внимания. Но проблема заключается в том, что американцы собираются избавиться от множества многосторонних связей и международных договоров, чтобы освободить свою мощь и обеспечить себе пространство для маневра, и европейцы смотрят на это с подозрением и трепетом. “Освобождение” Америки рассматривается в Европе как эрозия международного правопорядка, на базе которого выстроена большая часть системы европейской безопасности.

В этой связи Джозеф Иоффе предположил, что “до тех пор, пока Соединенные Штаты будут оставаться поставщиком международных общественных благ, стараясь при этом не поддаваться соблазну односторонних действий, зависть и недовольство не перерастут в страх и отвращение”. Он дает Вашингтону следующий совет: “Отстаивайте свои интересы путем угождения интересам других. Превратите иждивенцев в участников. Сделайте из “Америки Вездесущей” “Америку Незаменимую”²⁷. К сожалению, многие европейцы начали сомневаться в том, отвечает ли зарождающийся *Pax Americana* их интересам, коль скоро Соединенные Штаты перестали учитывать политические проблемы, вызывающие у Европы озабоченность. Исторический опыт учит европейцев, что мощная и эффективная международная правовая система – это единственный барьер, отделяющий порядок от закона джунглей, опирающегося на военную силу. Занимая место лидера, Соединенные Штаты относятся к такому сценарию спокойно. Европейцы не могут позволить себе эту роскошь.

Движение к глобальному правлению

В ближайшие годы борьба против международного терроризма будет оставаться ключевым пунктом повестки дня Запада в области обеспечения безопасности. Однако главная опасность исходит не от экстремистов с “грязными” ядерными бомбами. Главная проблема заключается в том, что “Запад” как сплоченный блок и придерживающаяся единых взглядов политическая сила может просто прекратить свое существование. В результате углубляющегося политического разрыва между Соединенными Штатами и Европой “Запад” может (в силу разных причин, предсказанных еще Марксом) пасть жертвой своих собственных внутренних противоречий.

Это может случиться в эпоху, которая требует единения Запада как могучего инициатора установления глобального правления. Поскольку глобализация ограничивает способность отдельных государств контролировать экономические, финансовые, политические и культурные силы и угрозы их безопасности, оказывающие на них непосредственное влияние, необходимость сотрудничества между государствами и негосударственными субъектами – такими, как неправительственные организации (НПО), ЕС, ООН, Международный валютный фонд (МВФ) и другие международные финансовые институты – приобретает еще большую актуальность. Какая страна может лелеять честолюбивые замыслы в отношении того, что ей удастся самостоятельно установить контроль над международной преступностью, распространением болезней, изменениями климата, распространением международного терроризма или гигантскими международными потоками капитала? Запад должен руководствоваться следующим девизом: “Если Соединенные Штаты или Европа будут действовать в одиночку, то, скорее всего, они будут друг другу мешать, но если они будут действовать сообща, они смогут решать практически любые задачи и проблемы”.

Конечно, ничего нового в этом нет. Возможно, эта мысль настолько банальна, что нет смысла ее повторять. Но если мы посмотрим на отсутствие серьезного трансатлантического сотрудничества, а иногда и открытые разногласия во многих важных областях, то разница между желаемым и действительным станет до боли очевидной.

Вся Европа прекрасно отдает себе отчет в том, что для обеспечения ее безопасности и процветания ей нужны Соединенные Штаты. В самих Соединенных Штатах столь же отчетливое осознание “нужды” в хороших отношениях с Европой наблюдается не всегда. Америке не следует забывать, что несмотря на тот факт, что Европа может быть слабым союзником в военном отношении, она остается лучшим партнером Америки в экономике и торговле. Годовой объем взаимных инвестиций Соединенных Штатов и Европы составляет 700 млрд. долл. США, что создает около 6 миллионов рабочих мест (по 3 миллиона в Соединенных Штатах и ЕС)²⁸. Более того, новая единая европейская валюта – евро – начинает всерьез конкурировать с американским долларом, что заставляет Соединенные Штаты и ЕС сотрудничать с целью обеспечения более эффективной координации валютной политики. Иногда Вашингтону даже приходится подчиняться

Если Соединенные Штаты и Европа будут действовать сообща, они смогут решать практически любые задачи

постановлениям и законам ЕС, как это произошло в июне 2001 г., когда Европейская комиссия вынесла постановление, запрещающее слияние двух американских технологических гигантов – компаний “Дженерал Электрик” и “Ханивелл”.

В действительности, экономические отношения между двумя крупнейшими торговыми блоками мира ухудшились после того, как в марте 2002 г. президент Буш принял решение о введении тарифов, достигающих 30%, на многие импортные поставки стали, что вызвало негодование как в Европе, так и во многих других частях мира. ЕС обжаловал это решение во Всемирной торговой организации (ВТО) и даже угрожал ввести ответные санкции в отношении нескольких видов товаров, экспортируемых США. Поскольку европейские лидеры утверждают, что протекционистская политика президента Буша была направлена на усиление поддержки Республиканской партии в нескольких ключевых штатах в преддверии выборов в Конгресс, которые должны состояться в ноябре 2002 г., ЕС тщательно спланировал свои ответные санкции против Соединенных Штатов таким образом, чтобы они затронули именно эти политически важные штаты. Ясно, что такие действия отнюдь не способствуют оздоровлению трансатлантических отношений и, без всякого сомнения, оказывают влияние и на внешнюю политику и на политику в области безопасности²⁹.

Итак, экономическое влияние ЕС выходит за рамки торговли как таковой и имеет очевидные последствия для безопасности. Экономическое и политическое влияние ЕС имеет особенно важное значение для Соединенных Штатов в контексте борьбы с международным терроризмом. Например, государства-члены ЕС ввели действующие на территории всей Европы ордера на обыск и арест, установили новый порядок экстрадиции, заключили соглашения об обмене данными и предусмотрели усиление функций “Европола” (нового правоохранительного органа ЕС) и “Евроюста” (будущей европейской организации, которая будет координировать сотрудничество между национальными органами правопорядка)³⁰. Соединенные Штаты обратились в ЕС с просьбой об оказании им содействия (которое, в целом, было предоставлено) в обеспечении сотрудничества между правоохранительными и судебными органами – в частности, в отношении норм, регулирующих вопросы экстрадиции и полицейского наблюдения. Вашингтон также заинтересован в получении непосредственного доступа к Шенгенской информационной системе (ШИС) ЕС. Европейская комиссия установила действующие на всей территории ЕС стандарты, направленные на повышение безопасности авиапассажиров, а также приняла ряд чрезвычайных законодательных актов, позволяющих “заморозить” активы на сумму свыше 100 млн. евро, принадлежащие подозреваемым в терроризме лицам. Комиссия также внесла предложения, касающиеся общего определения терроризма и создания единой для всех государств-членов ЕС системы наказаний за связанные с терроризмом преступления. Комиссия предложила меры по усилению безопасности в рамках общей визовой системы и в настоящее время изучает возможности обеспечения “антитеррористической защиты” законодательных актов ЕС, регулирующих деятельность финансовых рынков и вопросы предоставления убежища. ЕС зарезервировал более 310 млн. евро на финансирование дополнительных целевых программ, направленных на облегчение страданий афганского народа. В качестве первоочередной меры Комиссия выделила 5,5 млн. евро на оказание чрезвычайной помощи. Еще 6 млн. евро было выделено в виде продовольственной помощи в рамках Всемирной продовольственной программы. Учитывая все вышесказанное, ухудшение

трансатлантических отношений может причинить Соединенным Штатам не меньший “экономический” ущерб, чем Европе. Помимо этого, усилия ЕС невоенного характера оказывают значительное влияние на безопасность, которое часто недооценивается (в первую очередь, потому, что оно не получает должного освещения в СМИ).

Возможно, координация политики между Европой и Америкой оставляет желать лучшего, но никак нельзя сказать, что в этой области вообще ничего не делается. Определенная институциональная инфраструктура, которая может способствовать повышению эффективности координации, уже создана. В 1995 г. Соединенные Штаты и Европа приняли так называемую “Новую трансатлантическую программу” (НТП) для разрешения экономических и (в меньшей степени) политических проблем. В ходе совещания НТП в июне 1999 г. в Бонне было даже достигнуто соглашение о том, что обе стороны будут стремиться к “полному и равному партнерству” в экономической, политической и военной областях. К сожалению, эти слова так и остались словами. НТП не приобрела необходимого политического веса, который позволил бы ей определять трансатлантическую повестку дня и оказывать влияние на политику США и ЕС. В этом направлении сделать еще можно очень многое.

База доверия и взаимопонимания, которая до сих пор сохраняется между Соединенными Штатами и Европой, позволяет надеяться на то, что в трансатлантические отношения удастся вдохнуть новую жизнь, но само по себе это не произойдет. Слишком часто американские и европейские политики воспринимают “трансатлантическое сообщество” как некую данность – как ресурс, которым можно пользоваться, но который не требует больших вложений, не говоря уже о заботе. Это огромная и потенциально опасная ошибка. Соединенные Штаты и Европа нужны друг другу, причем сейчас, возможно, больше, чем когда-либо. Но если у Европы есть так называемая “общая стратегия” – тщательно продуманный подход, охватывающий все области политики, который призван служить для государств-членов ЕС ориентиром при выработке ими национальной политики в отношении России, Украины и Средиземноморья, то в отношении Соединенных Штатов совместного европейского подхода не существует. То же самое можно сказать и про Соединенные Штаты, которые слишком легкомысленно и слишком часто полагают, что Вашингтон всегда может рассчитывать на поддержку европейских союзников. Но сегодня, когда клей холодной войны, когда-то скреплявший трансатлантические отношения, уже давно высох, нужен новый цементирующий состав, способный удержать членов Альянса вместе. Этот новый состав должен включать общий интерес и стремление к объединению усилий с целью создания системы глобального правления. Ниже предлагается ряд возможных путей решения этой задачи.

Для укрепления трансатлантических связей, необходимы общий интерес и стремление к объединению усилий с целью создания системы глобального правления

Американская власть ("жесткая" и "мягкая")

Американское военное превосходство никем не оспаривается. В этом отношении у Соединенных Штатов не просто нет равных – никто не способен даже бросить им сколько-нибудь серьезный вызов. Однако времена, когда единственным источником

власти был ствол пушки, путь даже самой сложной и оборудованной лазерной системой наведения, прошли. Ричард Хаасс, директор Отдела политики и планирования Госдепартамента США, когда-то сказал, что Соединенным Штатам следует взять на себя роль “международного шерифа, который созывает коалиции государств и других субъектов для решения конкретных задач”³¹. Но этому американскому шерифу потребуется множество преданных помощников, а его право осуществлять властные полномочия будет подтверждено только в том случае, если, по мнению остальных, он будет стремиться к общему благу, а не отстаивать узкие текущие интересы США. Для того, чтобы Соединенные Штаты могли утвердить свой авторитет, наряду с “жесткой властью” им нужно не в меньшей степени использовать и свою “мягкую власть”, т.е. те политические и культурные активы, которые сделают ее привлекательной для окружающих, – от вечнойзеленой “американской мечты” до обаятельной Бритни Спирс или притягательной силы закусных “Макдональдс”³². Без этой “мягкой власти” американская “жесткая власть” имеет меньшие шансы на признание и, скорее всего, будет встречать резкое сопротивление.

Соединенным Штатам нужно осознать всю важность их “мягкой власти” и заставить ее работать на себя. Это, наконец, дошло до Госдепартамента США, который начал предпринимать более последовательные действия, направленные на формирование положительного имиджа США за границей. В попытке решить некоторые проблемы, связанные с использованием “мягкой власти”, в октябре 2001 г. Госдепартамент назначил Шарлотт Бирс, бывшего председателя советов директоров рекламных агентств “Дж. Уолтер Томпсон” и “Огилви энд Матер”, на должность заместителя госсекретаря по общественной дипломатии и работе с общественностью. Точно так же, как Пентагон обратился к работникам творческого цеха Голливуда, чтобы те помогли ему оценить возможные сценарии будущих террористических атак и определить соответствующие контрмеры, Бирс попросила своих бывших коллег по рекламному бизнесу с Мэдисон авеню помочь ей разработать новую “торговую марку” дяди Сэма, чтобы представить его в привлекательном свете во враждебно настроенном по отношению к США мусульманском мире. В новой борьбе Америки за симпатии и поддержку во всем мире специалисты по СМИ, связям с общественностью и маркетингу больше не являются чужаками в прагматичной, классической политике и дипломатии с позиции силы. Госсекретарь Пауэлл определил американскую дипломатию таким образом: “Мы продаем продукт. Продукт, который мы продаем, – это демократия”³³.

Для Соединенных Штатов чрезвычайно важно одержать в этой борьбе победу. Но их усилия не должны сводиться к одной лишь “продаже демократии”. США должны попытаться “продать” всей Европе идею “Запада” как жизнеспособную и даже центральную концепцию. Если этого не сделать, будут посеяны семена недоверия и озабоченности, которые подорвут веру в легитимность американского шерифа и со временем сделают возможность формирования западного “отряда” для отражения будущих угроз безопасности маловероятной. Но если Соединенные Штаты будут воспринимать Европу всерьез, оказывать ЕС заслуженное доверие и прислушиваться к его голосу на основании былых заслуг и экономического значения для процветания Америки, то можно добиться очень многого.

Практический вклад Европы

Большая часть работы, необходимой для поддержания трансатлантических отношений на плаву и сохранения их значимости, должна быть проделана “Европой” – как в облачении институциональных одеяний ЕС и НАТО, так и в рамках совместных усилий всех европейских стран, считающих себя частью “Запада”. При выработке будущей политики следует учитывать три важные рекомендации.

Во-первых, Европе следует не только критиковать Соединенные Штаты за реальные или мнимые ошибки, но и предлагать практические альтернативы, которые могут оказаться приемлемыми и для Вашингтона. Европа должна лучше обосновать свои политические подходы – например, в отношении Ирака – и разъяснить, какие другие варианты она считает реальной альтернативой прямому военному вмешательству. Европе следует предпринимать более энергичные усилия, чтобы оказывать влияние на процесс выработки политики в Вашингтоне, поддерживая фракции и аргументы, которые отвечают ее собственным интересам. Очень часто Соединенные Штаты и Европа преследуют одну и ту же цель, но заметно расходятся в предлагаемых ими способах ее достижения. Как и Соединенным Штатам, Европе хотелось бы видеть в Багдаде другой режим, но до тех пор, пока у ЕС не появится убедительного альтернативного плана, касающегося этого “государства-злодея”, жалобы на односторонние действия и интервенционистскую политику США в отношении Ирака просто не будут восприниматься всерьез. Европа растеряет остатки своего влияния на Соединенные Штаты, если она заработает себе репутацию еще одного “Мистера Нет”, даже если эта репутация на самом деле будет незаслуженной. Это означает, что Европа должна выработать геостратегическое видение мира и проявлять готовность к участию в решении проблем в области безопасности, возникающих за пределами ее видимого политического горизонта, включая проблемы в Северной Корее, на Тайване и на Ближнем Востоке, а также до сих пор не решенный вопрос о том, что следует предпринять в отношении так называемых “несостоятельных государств” (таких как Сомали, Йемен и т.д.).

Во-вторых, Европа должна уделять большее внимание разъяснению того факта, что те проблемы, которые стоят сегодня на повестке дня, выходят за рамки мелких разногласий по поводу политики внутри Альянса и могут вполне определить будущее трансатлантических отношений на ближайшие десятилетия. Критики НАТО периодически поднимают ложную тревогу на протяжении многих лет, и мы уже привыкли к кризисам взаимоотношений внутри Альянса. Тем не менее, трансатлантический разрыв, образовавшийся в силу вышеуказанных причин, становится слишком широким и слишком глубоким, чтобы на это можно было не обращать внимания. Если этот трансатлантический разрыв не будет ликвидирован, эффективности “Запада” как политического субъекта может быть нанесен непоправимый ущерб, что окажет негативное воздействие не только на НАТО, но и на другие важнейшие институты, повестку дня которых определяют западные государства (например, на ВТО, МВФ,

**Европе
необходимо стать
надежным и
полезным
союзником
Соединенных
Штатов,
работающим на
достижение общей
цели**

Всемирный банк и “Большую семерку”). Совершенно очевидно, что это имело бы негативные экономические и политические последствия как для Соединенных Штатов, так и для Европы.

Наконец, Европа должна убедить Америку в том, что усилия Европы в области формулирования убедительной Общей внешней политики и политики безопасности и Европейской политики в области безопасности и обороны – и в той и в другой ЕС нуждается для расширения своей ответственности в сферах внешней политики, безопасности и обороны, – направлены не на создание какого-то “противовеса” Америке, а на превращение Европы в надежного и полезного союзника Соединенных Штатов, который стремится к достижению общей цели, но иногда идет к ней другими путями. Периодически будут возникать трения и определенные разногласия, но этот мощный европейский голос необходим для того, чтобы обеспечивать динамизм “Запада” и доверие к нему со стороны остального мира. Европа должна думать самостоятельно и проявлять честность в своих отношениях с Соединенными Штатами. Естественным результатом таких действий станут более сбалансированная НАТО и Соединенные Штаты, готовые без отвращения и недовольства слушать своих традиционных союзников, которые будут (или, по крайней мере, должны стараться) вести с ними полезный и конструктивный разговор.

Примечания

¹ В предыдущей редакции эта статья была опубликована в *Europa en de Pax Americana. Het transatlantisch bondgenootschap in de schaduw van morgen*, The Hague: Netherlands Institute of International Relations "Clingendael," April 2002.

² Председатель Европейской Комиссии Романо Проди, “Заявление о нападениях на Соединенные Штаты”, Брюссель, 12 сентября 2001 г.

³ NATO Secretary General Lord Robertson, "Attack on Us All: NATO's Response to Terrorism," Atlantic Council of the United States, Washington DC, October 10, 2001.

⁴ Charles Krauthammer, "The Axis of Petulance," *The Washington Post*, March 1, 2002.

⁵ Прочитано в Jonathan Freedland, "Patten Lays into Bush's America," *The Guardian* (Manchester), February 9, 2002.

⁶ *International Herald Tribune*, "France Upbraids U.S. as 'Simplistic'," February 7, 2002, and *Die Welt* (Berlin), "Wir sind keine Satelliten," February 12, 2002.

⁷ US President George W. Bush, *State of the Union Address*, January 30, 2002.

⁸ Ronald Dworkin, "The Threat to Patriotism," *The New York Review of Books*, February 28, 2002.

⁹ Paul D. Wolfowitz, lecture at the 38th Munich Conference on Security Policy (*Wehrkunde Tagung*), February 2, 2002.

¹⁰ Irwin Stelzer, "Bush Turns Away from the Weaklings of Europe," *The Times* (London), February 19, 2002.

¹¹ *Time Magazine*, August 4, 1997.

¹² *The New York Times*, "Powell says U.S. is Weighing Ways to Topple Hussein," February 13, 2002.

¹³ *The Guardian* (Manchester), "US Targets Saddam," February 14, 2002.

14. Thom Shanker, "Pentagon Sees Attack on Saddam Next Year," *International Herald Tribune*, April 29, 2002.
15. Final *Communiqué* of the Ministerial Meeting of the North Atlantic Council, Reykjavik, May 14, 2002.
16. Процитировано в "Solana Seeks to Soften Europe's Anti-US Tone," *International Herald Tribune*, February 20, 2002.
17. Jean-Marie Colombani, "Nous sommes tous Américains," *Le Monde* (Paris), September 12, 2001.
18. Процитировано в Peter Beaumont and Ed Vulliamy, "Armed to the teeth," *The Observer* (London), February 10, 2002.
19. Senator Richard G. Lugar, "Lugar says NATO Must Join War on Terrorism," January 17, 2002. Online: <http://www.senate.gov/~lugar>.
20. NATO Secretary General Lord Robertson, "NATO–Russia Cooperation in Combating Terrorism: A Good Idea Whose Time has Come," keynote address to NATO Defense College, Rome, February 4, 2002.
21. Gordon Adams, "Convergence or Divergence? The Future of the Transatlantic Defence Industry," in Simon Duke, ed., *Between Vision and Reality: CFSP's Progress on the Path to Maturity*, Maastricht: European Institute of Public Administration, 2000, p. 180.
22. Chris Hables Gray, *Postmodern War: The New Politics of Conflict*, New York: The Guilford Press, 1997.
23. NATO Secretary General Lord Robertson, "NATO: Enlarging and Redefining Itself," Lecture at the Royal Institute of International Affairs, London, February 18, 2002.
24. Процитировано в "Transformation Postponed," *The Economist*, February 16, 2002.
25. Senator Richard G. Lugar, "NATO after 9–11: Crisis or Opportunity?" March 4, 2002. Online: <http://www.senate.gov/~lugar/>.
26. Colin S. Gray, "Strategy in the Nuclear Age: The United States, 1945–1991," in Williamson Murray, MacGregor Knox and Alvin Bernstein, eds., *The Making of Strategy: Rulers, States, and War*, Cambridge: Cambridge University Press, 1994, pp. 593, 597.
27. Josef Joffe, "Who's Afraid of Mr. Big?" *The National Interest*, No. 64, Summer 2001, p. 52.
28. Roy Denman, "Trans-atlantic Trade: So Much is at Stake," *International Herald Tribune*, January 19, 2001.
29. *The Economist*, "Transatlantic Tensions," May 1, 2002.
30. См. Joanna Aраp, "Common European Instruments to Tackle Terrorism," CEPS Commentary, September 2001. Online: <http://www.cepts.be/Commentary/September01/terrorism.htm>.
31. Richard N. Haass, *The Reluctant Sheriff: The United States After the Cold War*, New York: Council on Foreign Relations Press, 1997, p. 6.
32. Джозеф Най недавно (пере)определил "мягкую власть" как "способность заставлять других хотеть того, чего хочет Америка". In Robert O. Keohane and Joseph S. Nye, Jr., "Introduction," in Joseph S. Nye, Jr. and John D. Donahue, eds., *Governance in a Globalizing World*, Washington, DC: Brookings, 2000, p. 8.
33. *Foreign Policy*, "Brand U.S.A.," No. 127, November/December 2001, p. 19.

Национальная безопасность в условиях глобализации хаотического мира: действия США и Европы

Ричард Л. Каглер

Вводное резюме

Глобализация потеряла свой первоначальный имидж источника мира и прогресса, уступив дорогу опасному периоду хаоса, беспорядков и насилия. Различие, которое в прошлом проводила НАТО между “угрозами статьи 5” и “угрозами статьи 4”, становится анахронизмом, потому что многие новые угрозы можно отнести к обеим категориям. В настоящее время Соединенные Штаты находятся на осадном положении; вскоре похожая ситуация может сложиться и в Европе. Если в будущем мы столкнемся с применением биологического или ядерного оружия, оно может унести гораздо больше 3000 жизней, которые были потеряны 11 сентября.

Все эти причины привели к тому, что понятие национальной безопасности пережило второе рождение, получив новое определение и новое лицо. Важнейший вопрос XXI века заключается в том, удастся ли демократическому сообществу сдержать тот хаос, который разрастается вдоль “южной стратегической дуги”, простирающейся от Ближнего Востока до *азиатской литорали*. Соединенные Штаты и Европа становятся все более уязвимыми в мире, где удаленность от геополитических горячих точек больше не может считаться гарантией безопасности. Они просто обязаны сотрудничать, потому что если Соединенные Штаты и Европа будут действовать по одиночке, они не только не добьются успеха, но и могут потерпеть сокрушительное фиаско.

Сегодня главной угрозой является глобальный терроризм. Несколько лет тому назад главной угрозой были несостоятельные государства и этнические конфликты. Завтра главной угрозой может стать распространение оружия массового поражения и агрессия со стороны государств-злодеев. Скорее всего, в будущем нас ожидают большие сюрпризы, и многие из них могут оказаться довольно неприятными.

Соединенные Штаты будут играть лидирующую роль в области обеспечения безопасности, но они не могут нести это бремя в одиночку, и никто не должен от них этого ожидать. Будучи ведущим институтом Европы по обеспечению безопасности, НАТО является естественным инструментом, который должен помочь Европе внести свой вклад. На предстоящем саммите государств-членов НАТО в Праге необходимо определить новую повестку дня НАТО в области обеспечения готовности к обороне. Реализуемую сегодня “Инициативу усиления оборонного потенциала” можно было бы заменить программой трансформации европейских вооруженных сил, направленной на обеспечение их готовности к быстрому развертыванию и проведению высокотехнологичных ударных операций совместно с ВС США.

Для начала НАТО могла бы создать небольшие европейские “ударные вооруженные силы” – объединенную группировку с эффективными внутренними связями в составе 25 000 – 50 000 человек. Эти силы должны включать несколько эскадрилий истребителей с высокоточным оружием, корабли с крылатыми ракетами и одну или две высококомобильные пехотные бригады. Эти силы следует поддерживать в состоянии высокой боеготовности и обеспечить их достаточными транспортными и материально-техническими средствами для развертывания этих сил в течение нескольких дней. Эта передовая группировка должна иметь в своем распоряжении современное, высокотехнологичное оружие, необходимое для обеспечения оперативной совместимости с вооруженными силами США при проведении экспедиционных ударных операций.

Эти небольшие, элитные вооруженные силы можно было бы встроить в структуру более крупных новых “сил стратегического реагирования” НАТО, чтобы расширить возможности для ликвидации угроз и решения задач новой эпохи, в том числе и на большом расстоянии от Европы. Эти ударные силы могли бы также оказывать содействие силам быстрого реагирования Европейского Союза (ЕСБР). НАТО получила бы в свое распоряжение удобный и не требующий высоких затрат потенциал для проведения высокотехнологичных ударных операций, а ЕС – аналогичные силы для решения “петербургских задач”. Эти две военные структуры были бы естественными партнерами, что вновь скрепило бы трансатлантические связи, послужило бы для Соединенных Штатов веским основанием и далее участвовать в европейских делах и позволило бы усилить ЕС, сохранив при этом здоровую роль НАТО.

Национальная безопасность в условиях глобализации хаотического мира: действия США и Европы

Вступление

Еще совсем недавно глобализацию называли стимулом роста благосостояния людей во всем мире. Аналогичным образом, считалось, что значение национальной безопасности снижается, что, якобы, являлось естественным следствием ситуации, в которой мир на автопилоте движется к всеобщей демократии и миру. Трагические события 11 сентября 2001 г. и их последствия превратили эту идиллическую картину в дым. Глобализация не является непосредственной причиной войны в Афганистане или кризиса на Ближнем Востоке, которые вызваны другими, более глубокими проблемами. Но, судя по всему, глобализация внесла свой косвенный вклад в сегодняшние проблемы и ощущение усиливающего беспокойства о будущем. Вне всякого сомнения, глобализация набрала силу как неизбежная тенденция информационного века. Однако одновременно она потеряла свой привлекательный имидж проводника мира и прогресса.

Глобализацию больше не считают двигателем мира и прогресса

Благодаря глобализации или вопреки ей, но в начале XXI века мир представляется довольно опасным местом, полным таких угроз и рисков новой эпохи, как глобальные террористические сети, дикие этнические войны, несостоятельные государства, региональные хулиганы, распространение оружия массового поражения и геополитическое соперничество. Прошлая вера в прогресс быстро сменяется беспокойством по поводу того, что в будущем нас, возможно, ждет цивилизационное столкновение с исламским фундаментализмом или другие подобные бедствия. Некоторые аналитики даже начинают называть XXI век новой “Столетней войной” – мрачным периодом хаоса, беспорядков и насилия во многих частях планеты. Может быть, эти пессимисты сгущают краски, но их точка зрения – это отрезвляющее противоядие, помогающее вылечиться от вчерашнего слепого оптимизма.

Истина заключается в том, что никто точно не знает, что нас ждет в будущем, – плохое, хорошее или и то, и другое. С уверенностью можно сказать лишь то, что ни Соединенные Штаты, ни Европа больше не могут считать национальной безопасностью чем-то само собой разумеющимся. Их физическая безопасность, их жизненно важные интересы за пределами своих собственных границ, их демократические ценности – все это подвергается серьезным угрозам новой эпохи, возникающим в отдаленных местах земного шара. В течение более чем 50 лет государства-члены Организации североатлантического договора (НАТО) могли четко различать два вида угроз. В соответствии с Вашингтонским договором 1949 г., “Статья 4” обязывает членов НАТО консультироваться между собой, если любой член НАТО окажется под угрозой, в то

Концепция национальной безопасности, необходимая для формулирования стратегической политики, пережила второе рождение

время как согласно “Статье 5” каждый член НАТО обязан оказать содействие союзнику или союзникам, подвергшимся нападению, в соответствии с принципом “нападение на одного – это нападение на всех”. Тем не менее, после 11 сентября различие, которое в прошлом проводила НАТО между “угрозами Статьи 5” и “угрозами Статьи 4”, быстро становится анахронизмом, потому что многие новые угрозы можно одновременно отнести к обеим категориям. В результате террористического нападения 11 сентября погибло более 3 000 человек – больше, чем в Перл-Харборе в 1941 г. Если в будущем мы столкнемся с применением биологического или ядерного оружия, оно может унести гораздо больше жизней. Сегодня Соединенные Штаты находятся на осадном положении. Кто следующий – Европа?

Что это значит, понятно: национальная безопасность пережила второе рождение и вновь стала содержательной концепцией, которая является ориентиром при формулировании стратегической политики, а также целью, которая находится под угрозой

**Важнейший
вопрос XXI века
– удастся ли
демократическому
сообществу
сдерживать хаос,
усиливающийся
на огромных
территориях
беспокойных
регионов мира?**

и для достижения которой необходимо прилагать значительные и последовательные усилия в тяжелые времена. Не менее важно и то, что концепция национальной безопасности приобретает новое определение и новое лицо. В эпоху холодной войны под национальной безопасностью в основном понималась защита границ от серьезных военных угроз в биполярном мире. Сегодня старых военных угроз больше нет, ушла в прошлое и “биполярность”. Текущая стратегическая ситуация очень сильно отличается от эпохи холодной войны, и ее можно резюмировать следующим образом. Великой драмой XX века была борьба демократии против тоталитаризма. Важнейший вопрос начала XXI века заключается в том, удастся ли демократическому сообществу сдерживать хаос, усиливающийся за пределами его границ на огромных территориях беспокойных регионов мира, и в первую очередь – вдоль “южной стратегической дуги”, простирающейся от Ближнего Востока до *азиатской литорали*.

Реагирование на этот серьезнейший вызов и станет новым лицом национальной безопасности. Вне всякого сомнения, Соединенные Штаты и Европа должны будут сотрудничать в этой области, потому что если они будут действовать по отдельности, они не только не добьются успеха, но и могут терпеть поражения, которые имели бы катастрофические последствия. Как минимум, они будут становиться все более уязвимыми в мире, где в результате глобализации удаленность от тлеющих геополитических горячих точек и полыхающих угроз больше не является гарантией безопасности.

Новые угрозы и риски в раздвоенном мире

Любая попытка оценить стратегию США и Европы в области обеспечения безопасности для этой новой эпохи обязательно должна начинаться с трезвого выявления причин, по которым эти угрозы возникают. Ответ, который лежит на поверхности, прост – гнусные намерения злодеев, которые хотят нанести максимальный ущерб своим жертвам – Соединенным Штатам, европейским государствам и другим странам. Но коренные

причины шире и глубже. Одна из причин – новая геополитика: новые формы соперничества между национальными государствами и политическими идеологиями, адептами которых становятся транснациональные группы – например, террористические. Еще одной важной причиной является глобализация. Ускоряющиеся трансграничные потоки товаров, финансов, технологий, а также развитие систем связи сближают когда-то удаленные друг от друга регионы и создают сплетения взаимозависимых связей и уязвимых точек. Ранее глобализация считалась исключительно положительным явлением, потому что она сулила распространить экономический рост и демократию на все части планеты. Однако совсем недавно глобализация проявила себя как многоголовая гидра. Хотя ей присущи и многие положительные черты, и она представляется благоприятной тенденцией в долгосрочной перспективе, глобализация вызывает проблемы в регионах, не готовых к информационной эпохе, модернизации и жесткой конкуренции в условиях глобальных рынков.

Глобализация приводит к раздвоению мира

Глобализация приводит к раздвоению мира. Да, глобализация делает уже процветающие демократии еще богаче, помогая другим идти по пути прогресса. Но в других местах планеты она плодит не только победителей, но и проигравших, заставляя многие общества, страны и регионы бороться за то, чтоб остаться на плаву, и недоумевать по поводу того, как они должны реагировать на происходящие вокруг них быстрые изменения. В этой атмосфере тревоги и замешательства глобализация порождает злостные антизападные идеологии и весьма раздраженных субъектов, включая террористов-нигилистов и страны, угрожающие другим и мечтающие получить в свои руки системы ОМП, которые готовы наброситься на западные демократии и других предполагаемых виновников их неудач.

Эти новые носители угрозы объединяются, взаимно усиливая друг друга. Кроме того, они получают доступ к современным информационным системам и технологиям, позволяющим им совершать акты насилия с огромного расстояния на любом континенте. Кроме того, эти угрозы обостряют и без того беспокойную обстановку в нестабильных регионах, где полный хаос является побочным продуктом уже существующих условий, таких как повальная бедность, авторитарные правительства, слабые государства и общества, преступность и отсутствие институтов коллективной безопасности. Во многих районах, расположенных вдоль гигантской “южной дуги”, это приводит к жестокой первобытной вражде, которая генерирует новые угрозы, представляющие опасность не только для мира и прогресса в этих регионах, но и для общих интересов, ценностей и безопасности Запада.

Сегодня главной угрозой является глобальный терроризм. Несколько лет тому назад главной угрозой были несостоятельные государства и этнические конфликты. Завтра главной угрозой может стать распространение оружия массового поражения и агрессия со стороны государств-злодеев. Кто знает, что ждет нас в будущем? Скорее всего, впереди нас ждут большие сюрпризы, и многие из них могут оказаться довольно неприятными. Ключевая проблема заключается в том, что мы живем мире нарастающей опасности с множеством угроз и их быстро меняющихся источников опасности. Ни Соединенные Штаты, ни их союзники не могут себе позволить бездействовать перед лицом этих угроз.

Выработка политического и стратегического ответа

Глобализация означает, что когда демократии формулируют свою внешнюю политику и стратегию обеспечения национальной безопасности, они должны смотреть на вещи, мыслить и действовать глобально. Для Соединенных Штатов такой подход не является чем-то новым – США активно действуют в глобальном масштабе уже многие десятилетия и вовлечены в дела практически каждого ключевого региона мира. Но для Европы этот подход безусловно, нов. Конечно, в начале XX века многие европейские страны принимали самое деятельное участие в делах многих государств. Правда, некоторые из европейских стран все еще являлись империями. Но в эпоху холодной войны европейские страны практически отошли от “глобальных дел” и сконцентрировали внимание на своем собственном континенте, который подвергался серьезным ударам и угрозам.

К счастью, эти усилия принесли такие плоды, которые когда-то казались немислимыми. За короткий период времени Европа превратилась из арены глобальных бедствий в образец демократии, единства и мирного прогресса. У Европы есть хорошие шансы в течение следующего десятилетия превратить в реальность свою давнюю мечту – объединение всего континента под знаменем демократии, экономической интеграции и многостороннего сотрудничества в рамках таких институтов, как Европейский Союз и НАТО. Но в стремлении достичь этой мечты Европа не может позволить себе отгородиться стеной от остального мира, встав на путь евроизоляции образца XXI века. Расширяющееся участие Европы в глобальной экономической деятельности делает такую отстраненную позицию невозможной. К тому же достаточно беглого взгляда на карту мира, чтобы понять, что Европа расположена по соседству с самыми опасными регионами планеты и в пределах легкой досягаемости для угроз, усиливающихся в этих регионах.

Для обеспечения безопасности, стабильности и прогресса во всем мире необходимо стратегическое партнерство между Соединенными Штатами и Европой

Европа больше не может рассчитывать на то, что Соединенные Штаты будут защищать ее от этих угроз. Конечно, Соединенные Штаты должны и впредь играть роль глобальной сверхдержавы и лидера, воздерживаясь при этом от односторонних действий в тех случаях, когда ту или иную проблему можно решить в рамках многосторонних усилий. Но Европа тоже должна внести свой достойный и серьезный вклад как равный партнер Соединенных Штатов. Складывающаяся стратегическая ситуация настоятельно требует от Соединенных Штатов и Европы – оплотов демократии и самых мощных держав мира – совместной работы в рамках стратегического партнерства, цель которого – сделать все для того, чтобы XXI век не закончился в клубах дыма. Необходимо новое трансатлантическое соглашение. Это соглашение должно предусматривать историческое сотрудничество Соединенных Штатов и Европы не только в деле завершения объединения

Европы, но и в обеспечении большей безопасности, стабильности и прогресса в отдаленных регионах, где усиливаются беспорядки, которые, если ничего не предпринимать, могут нанести огромный ущерб самим демократическим государствам.

Возможно ли заключение этой новой трансатлантической сделки и создание стратегического партнерства? Сегодняшняя какофония жалоб, раздающихся по обе стороны Атлантики, говорит о том, что нет, невозможно. Некоторые европейцы обвиняют Соединенные Штаты в высокомерии, склонности к односторонним решениям, “сверхдержавности” и воинственном милитаризме. В ответ американцы говорят, что европейцы – интересующиеся только собой некомпетентные халявщики, а в придачу – нытики, готовые всадить нож в спину. Будем надеяться, что за этими непродуктивными и часто незаслуженными взаимными оскорблениями последует что-то более конструктивное. Основания для таких надежд есть. В прошлом американцы и европейцы часто сначала вступали в ожесточенные споры по поводу пробуксовывающих стратегических изменений, но потом им удавалось преодолеть свои разногласия и достичь консенсуса, определив политику, приемлемую для обеих сторон. Это то, что им следует сделать и сейчас.

Новое трансатлантическое соглашение не должно требовать от европейцев автоматически поддерживать глобальную политику США, но не должно и давать им права блокировать активные действия, предпринимаемые под руководством США. Вместо этого, оно должно создать общую базу для энергичных совместных действий Соединенных Штатов и Европы. Согласование альтернативных точек зрения требует терпеливого диалога, но этот подход уже доказал свою эффективность в прошлом, так что он будет продуктивным и сегодня. Соединенные Штаты и некоторые европейские страны могут иногда выражать несогласие друг с другом в отношении каких-то конкретных действий, но их основные интересы и цели вполне совместимы, и в большинстве случаев США и Европа смогут выработать общую точку зрения, а во многих случаях – и предпринять скоординированные действия, оказывая друг другу поддержку. Главная истина проста: Соединенные Штаты и Европа разделяют общие базовые ценности и подвергаются аналогичным серьезным угрозам. Если они будут действовать по отдельности, у них не хватит ресурсов и воли для решения глобальных проблем, но вместе они обладают достаточным количеством и того, и другого. Просто им нужно работать вместе в духе партнерства, а не соперничества.

Соединенные Штаты и Европа должны приложить максимум усилий, охватывающих весь спектр инструментов политики: военных, политических, дипломатических и экономических. Ясно, что их стратегия должна быть более широкой и изобретательной, чем простое применение силы для ликвидации новых угроз везде, где они появляются. Эта стратегия должна быть направлена на совершенствование государственного управления, проведение рыночных реформ и модернизацию обществ в бедных регионах, расположенных вдоль “южной дуги”, а также в других местах, в том числе в районах Африки к югу от Сахары. Столь же ясно и то, что эта стратегия должна ставить своей целью борьбу с двойной угрозой глобального терроризма и распространения ОМП – не только потому, что это необходимо для защиты своих стран от прямого нападения, но и

Их стратегия должна быть направлена на совершенствование государственного управления, проведение рыночных реформ и модернизацию обществ в бедных регионах, а также на борьбу с глобальным терроризмом и распространением ОМП

потому, что эти угрозы должны быть ликвидированы для обеспечения успеха долгосрочных программ, призванных содействовать прогрессу в беспокойных регионах. В сегодняшнем мире меры по обеспечению безопасности и прогресса должны осуществляться параллельно. В действительности, первое часто является необходимой предпосылкой второго. Демократия, экономические рынки и многостороннее сотрудничество смогут укорениться только после того, как будут ликвидированы эти серьезные угрозы и установится климат стабильной безопасности.

Использование НАТО

Соединенные Штаты будут играть лидирующую роль в области обеспечения безопасности, но они не могут нести это бремя в одиночку – и не следует от них этого ожидать. Будучи ведущим институтом Европы по обеспечению безопасности, НАТО является естественным инструментом, который должен помочь Европе подготовить и организовать свой вклад, а также привести его в соответствие с усилиями США. Сразу же

Соединенные Штаты возьмут на себя роль лидера. НАТО – естественный инструмент, который должен помочь Европе организовать ее потенциал

после событий 11 сентября НАТО привела в действие положения Статьи 5. Она направила в США самолеты, оборудованные бортовыми системами раннего радиолокационного обнаружения и предупреждения (АВАКС), чтобы помочь Америке защитить свое небо; послала корабли ВМС для патрулирования восточной части Средиземного моря; расширила обмен разведывательной информацией; активизировала действия правоохранительных органов и приняла решение провести ревизию национальных систем гражданской обороны. Когда вооруженные силы США начали боевые действия в Афганистане, к ним присоединились британские войска; другие страны также предложили свою помощь; НАТО предоставила в распоряжение США свою инфраструктуру. Позднее несколько европейских стран, включая Германию и Францию, направили свои войска, которые возглавили многонациональную операцию по поддержанию мира в Афганистане и оказывали содействие в искоренении оставшихся ячеек “Аль-Каеды” в сельских районах страны.

Сегодня, когда Соединенные Штаты распространяют войну против терроризма на другие регионы и готовятся противодействовать странам, занимающимся распространением ОМП, сложившаяся ситуация требует от Европы и НАТО оказать США дополнительную поддержку. Время покажет, какую именно роль должна играть НАТО в будущих кризисах и операциях, но уже сейчас ясно, что европейцы не могут сидеть на обочине и жаловаться на действия Америки, не предлагая при этом никакой помощи. Если европейцы займут пассивную позицию, это неизбежно приведет к угасанию НАТО, потому что и американцы, и европейцы будут считать эту организацию несоответствующей задачам обеспечения безопасности в новую эпоху. Несмотря на тот факт, что НАТО планирует расширяться за счет приема в свои ряды новых членов и поддерживать тесный диалог с Россией, серьезная повестка завтрашнего дня предполагает, что она не может позволить себе превратиться в рыхлую организацию по коллективной обороне, лишенную военных зубов и стратегического напора. Помимо укрепления обороны в государствах-членах Альянса по обе стороны Атлантики, НАТО

обязана усилить свой потенциал в части проведения серьезных операций по обеспечению безопасности далеко за пределами Европы, потому что она не сможет отражать новые угрозы, если останется организацией, защищающей только границы своих государств-членов. НАТО не должна становиться “глобальным альянсом”, но она обязана быть способной к решительным и разумным действиям в других регионах.

НАТО также должна обеспечить свое дальнейшее функционирование в качестве союза равных. Как и в эпоху холодной войны, ее будущие операции в конкретных областях могут проводиться коалициями государств-членов, преданных общему делу и обладающих необходимым потенциалом. Иногда эти коалиции могут действовать вне рамок структуры НАТО, но опираться на ее поддержку. Однако НАТО должна уйти от любого “разделения труда”, которое разбивает Альянс на отдельные блоки. В первую очередь это относится к военным операциям, но также касается политики и дипломатии. НАТО не должна исходить из того, что Соединенные Штаты и Великобритания будут играть роль “злых полицейских”, в то время как остальные члены будут “добрыми полицейскими”, стремящимися к мирному урегулированию разногласий с противниками. Но и Соединенные Штаты и Великобритания не должны проводить интенсивных боевых операций в тех случаях, когда другие члены НАТО намерены ограничиться лишь поддержанием мира после их завершения. Кроме того, Соединенные Штаты не должны ограничивать свою роль осуществлением высокотехнологичных бомбовых ударов с воздуха, оставляя наземные боевые действия войскам других членов НАТО. Более разумной представляется “бесшовное” распределение обязанностей в комбинации с гибким подходом к решению конкретных вопросов.

НАТО нужна новая программа обеспечения готовности к обороне в будущем

Новые вооруженные силы и потенциал для решения новых задач

Наконец, НАТО в целом и европейские государства в частности должны усилить свой военный потенциал для решения боевых задач, связанных с ликвидацией новых угроз. Этот насущный вопрос должен быть рассмотрен на предстоящем саммите государств-членов НАТО в Праге, в ходе которого необходимо определить новую повестку дня НАТО в области обеспечения готовности к обороне в будущем. Сегодняшние вооруженные силы Европы больше и сильнее, чем обычно думают: численность личного состава, находящегося на действительной военной службе, составляет 2,4 миллиона человек, а суммарные расходы на оборону – 150 млрд. долл. США в год. Но поскольку их главной задачей по-прежнему остается защита собственных границ, они обладают ограниченными возможностями для быстрой переброски войск на большие расстояния и нанесения сокрушительных ударов по источникам новых угроз. Помимо этого, они рискуют еще больше отстать от вооруженных сил США, которые принимают новые оперативные доктрины и внедряют новые технологии, включая современные информационные системы, средства обнаружения, оружие и боеприпасы. Если сегодняшний разрыв в оперативной совместимости еще более расширится,

Нельзя ожидать, что военный потенциал Европы сравнится с потенциалом США, но Европа должна быть в состоянии внести свесомый вклад в проведение совместных операций

европейские и американские вооруженные силы могут утратить способность к совместным боевым действиям – причем даже в том случае, если политические лидеры Европы не захотят больше сидеть в стороне, а американцы захотят видеть в них равных партнеров.

Нельзя ожидать, что военный потенциал Европы сравнится с потенциалом США, но при необходимости Европа должна быть в состоянии внести весомый вклад в проведение подобных операций. В резком наращивании оборонного потенциала нет необходимости, но европейцы должны обеспечить готовность определенной части своих вооруженных сил к быстрому развертыванию и проведению высокотехнологичных ударных операций совместно с ВС США. Для того, чтобы направить соответствующие усилия в нужное русло, в ходе саммита в Праге НАТО могла бы заменить текущую “Инициативу усиления оборонного потенциала” более конкретной программой трансформации, направленной на создание высокоприоритетных вооруженных сил и интегрированного потенциала в данной области. Для начала в рамках этой программы можно было бы создать небольшие европейские “ударные вооруженные силы” – объединенную группировку с эффективными внутренними связями в составе 25 000 – 50 000 человек. Эта небольшая элитная ударная группировка должна включать несколько эскадрилий истребителей с высокоточным оружием, корабли с крылатыми ракетами и одну или две высококомобильные пехотные бригады. Она должна быть обеспечена транспортными и материально-техническими средствами, необходимыми для быстрого развертывания.

Новые высокотехнологичные ударные силы Европы/НАТО, поддерживаемые в состоянии высокой боеготовности, были бы способны к оперативному взаимодействию с вооруженными силами США

Эти ударные силы следует поддерживать в состоянии высокой боеготовности и обеспечить возможность их развертывания в пределах нескольких дней. Они должны иметь в своем распоряжении современное, высокотехнологичное оружие, необходимое для проведения экспедиционных ударных операций в сложных условиях интенсивных боевых действий. Они смогли бы осуществлять оперативное взаимодействие с вооруженными силами США и решать аналогичные боевые задачи. Они находились бы под командованием постоянных объединенных сил, имеющих в своем составе необходимый персонал и системы связи, позволяющие координировать проведение совместных и объединенных операций с участием ВВС, ВМС и сухопутных сил. Это были бы преимущественно европейские силы, но с ними можно было бы объединить и должным образом сконфигурированные ВС США в Европе, что позволило бы расширить группу ударных частей, имеющих в распоряжении НАТО.

Эту передовую группировку можно было бы встроить в структуру более крупных новых “сил стратегического реагирования” НАТО, которые обеспечивают более широкие возможности для ликвидации угроз и решения задач новой эпохи, в том числе и на большом расстоянии от Европы. Например, эти ударные силы могли бы использоваться в качестве авангарда ударных групп среднего размера, включающих 6–9 бригад и поддерживаемых сопоставимыми военно-воздушными и военно-морскими силами. Эти цифры приводятся лишь в качестве примера, который иллюстрирует главную мысль: в

случае возникновения кризисной ситуации в отдаленном регионе планеты сначала развертывались бы небольшие элитные ударные силы. Их задачей было бы создание плацдарма для остальных сил стратегического реагирования, которые развертывались бы позднее, наращивая потенциал, необходимый для победы. Конечно, схема развертывания вооруженных сил носила бы модульный и масштабируемый характер, предусматривающий возможность ее корректировки в зависимости от конкретной ситуации. Эти силы можно было бы использовать самыми различными способами: подчинять их объединенному командованию; использовать их в качестве отдельной “добровольной коалиции”; или передавать их под командование США в случае проведения операций под руководством Соединенных Штатов в отдаленных регионах.

Эти небольшие ударные силы, действующие при поддержке со стороны других сил стратегического реагирования, дадут НАТО возможность реагировать на кризисы в ситуациях, подобных недавнему вторжению в Афганистан. В совокупности они сформируют гибкую и легко адаптируемую структуру, способную решать широкий круг задач в самых разнообразных географических точках планеты. Эта структура могла бы выполнять и ряд других важнейших функций. Она могла бы стать своего рода авангардом в деле проведения учений, реализации программ военной подготовки и экспериментов совместно с вооруженными силами США, что помогло бы европейским и американским военным сотрудничать в области трансформации вооруженных сил. Уроки, полученные в ходе проведения совместных операций в новую эпоху, можно было бы спроецировать и на другие подразделения НАТО и европейских вооруженных сил, что также способствовало бы их трансформации. Помимо этого, эти ударные силы могли бы оказывать содействие Европейским силам быстрого реагирования ЕС. НАТО получила бы в свое распоряжение эффективные силы для проведения высокотехнологичных ударных операций, а ЕС – аналогичные силы для решения “петербургских задач” (предотвращения конфликтов и урегулирования кризисов). Эти две структуры стали бы естественными партнерами, которые помогали бы НАТО и ЕС сотрудничать, а не соперничать, отдаляясь друг от друга.

Создание ударных сил позволило бы достичь 3 ключевые стратегические цели: дать НАТО и Европе потенциал, необходимый для отражения угроз; вновь скрепить трансатлантическую связь; и стимулировать рост ЕС, сохранив здоровую роль НАТО

Возможно ли такое нововведение в сегодняшних условиях ограниченных ресурсов? Ответ будет положительным. Боевые соединения, необходимые для создания такой группировки, уже существуют. Их просто нужно должным образом организовать и снабдить всем необходимым. Теоретически европейцы могли бы изыскать средства на финансирование этой программы, пересмотрев приоритетные статьи расходов, предусмотренные их оборонными бюджетами. Заявления о том, что европейцам следует увеличить расходы на оборону, обусловлены другими, более масштабными причинами, и никак не связаны с предполагаемым увеличением их расходов из-за необходимости финансировать эту новую структуру.

**Сотрудничество
между
Соединенными
Штатами и
Европой
необходимо для
решения будущих
стратегических
задач**

Итак, эти ударные силы, действующие при поддержке со стороны других сил стратегического реагирования, помогли бы достичь 3 ключевые стратегические цели: 1) они дали бы НАТО и Европе вооруженные силы и потенциал, которые столь необходимы для отражения новых угроз и проведения соответствующих операций; 2) они помогли бы вновь скрепить трансатлантические связи, что послужило бы для Соединенных Штатов веским основанием продолжать свое активное участие в европейских делах; 3) они внесли бы свой вклад в рост ЕС, сохранив при этом здоровую роль НАТО. Учитывая тот факт, что создание этих небольших сил не требует значительных затрат, у НАТО, европейцев и американцев появляется блестящая возможность усилить свой Альянс во время саммита в Праге.

Заключение

Итак, Соединенные Штаты и Европа вошли в новую эпоху сложнейших проблем в области безопасности. Верная интерпретация будущих стратегических задач возможна только в контексте реалий быстро глобализующегося мира, в котором появляется огромное множество новых возможностей и проблем. Происходят масштабные преобразования, но одна вещь остается неизменной – необходимость сотрудничества между Соединенными Штатами и Европой. Это сотрудничество позволило им одержать победу в холодной войне, и оно является лучшим рецептом решения проблем XXI века.

Сокращения

АВАКС (AWACS) – Бортовая система раннего радиолокационного обнаружения и предупреждения
ВТО (WTO) – Всемирная торговая организация
ДВЗЯИ (СТВТ) – Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний ДНЯО
(NPT) – Договор о нераспространении ядерного оружия
ЕПБО (ESDP) – Европейская политика в области безопасности и обороны
ЕС (EU) – Европейский Союз
ЕСБР (ERRF) – Европейские силы быстрого реагирования
МВФ (IMF) – Международный валютный фонд
МССБ (ISAF) – Международные силы содействия безопасности
МУС (ICC) – Международный уголовный суд
НАТО (NATO) – Организация Североатлантического договора
НПО (NGO) – Неправительственная организация
НТП (NTA) – Новая трансатлантическая программа
ОБСЕ (OSCE) – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОВПБ (CFSP) – Общая внешняя политика и политика безопасности
ОМП (WMD) – Оружие массового поражения
ООН (UN) – Организация Объединенных Наций
ПРО (ABM) – Противоракетная оборона
РВД (RMA) – Революция в военном деле
САС (NAC) – Североатлантический совет
СЕАП (EAPC) – Совет евроатлантического партнерства
СВ (NCW) – Сетевые войны
ЦРУ (CIA) – Центральное разведывательное управление
ШИС (SIS) – Шенгенская информационная система
EADS – European Aeronautic Defense and Space Company (*Европейская аэрокосмическая оборонная компания*)

Европейский центр по изучению вопросов безопасности им. Джорджа Маршалла

Д-р Роберт Кеннеди,
директор

Майкл Дж. Маккарти (генерал-майор ВВС США в отставке),
заместитель директора Центра им. Маршалла (от США)

Винфрид Дункель (генерал-майор в отставке),
заместитель директора Центра им. Маршалла (от Германии)

Посол Виктор Джакович,
Помощник директора по международным связям

Колледж по изучению вопросов безопасности и международных отношений

Д-р Гэри Л. Гюртнер
декан

Д-р Г. Пол Холман
соредактор
профессор по вопросам национальной безопасности

Д-р Детлеф Пуль
Джон Криндлер
Ричард Коэн
рецензенты редакционной коллегии

Сара К.Холман
редактор, Публикации Центра им. Маршалла

Илана Махлис
перевод с английского

Леонид Махлис
редактор, Публикации Центра им. Маршалла на русском языке

Уильям Л. Уинкл
ответственный за распространение

Публикации Центра им. Маршалла

**№ 1 – *Новые устремления Европы в области обороны:
последствия для НАТО, США и России***

Петер ван Хам

апрель 2000 г.

**№ 2 – *Трансформация российской военной доктрины –
уроки Косово и Чечни***

Алексей Г. Арбатов

июль 2000 г.

**№ 3 – *Безопасность на базе сотрудничества:
новые перспективы
международного порядка***

Ричард Козн

и Майкл Михалка

апрель 2001 г.

Консультативный совет редакционной коллегии Публикаций Центра им. Маршалла

- Проф. Евгений Бажанов**
проректор по научной работе Дипломатической академии МИД РФ
- д-р Вильфрид фон Бредов, профессор**
Институт политологии, Марбургский университет
- д-р Пол Корниш**
Центр международных исследований, Кембриджский университет
- д-р Кристофер Дэндекер**
заведующий Кафедрой военных исследований, Кингс Колледж, Лондон
- д-р Роберт Г. Дорфф**
Кафедра национальной безопасности и стратегии, Военный колледж Армии США
- д-р Хайнц Гертнер, профессор**
Институт политологии, Венский университет
- д-р Ференц Газдаг, профессор**
директор Института стратегических и оборонных исследований, Будапешт
- д-р Томас Б. Грэсси**
директор Отдела по связям с прессой Колледжа ВМС США
- д-р Али М. Караосманоглу, профессор**
заведующий Кафедрой международных отношений, Билькентский университет
- д-р Джейкоб Кипп**
*старший научный сотрудник, Управление зарубежных военных исследований,
Общевойсковой центр Армии США*
- д-р Чарльз А. Купчан**
действительный член Совета по международным отношениям, Вашингтон
- д-р Фридеманн Мюллер**
Фонд науки и политики, Берлин
- д-р Фрэнсис Пилч**
Кафедра политологии, Академия ВВС США
- д-р Эндрю Л. Росс**
Кафедра стратегических исследований, Колледж ВМС США
- д-р Дмитрий Тренин**
заместитель директора Московского центра Фонда Карнеги за международный мир,
- д-р Танос Веремис**
*профессор в области эллинистики и изучения стран Юго-Восточной Европы (стипендия
Константина Караманлиса), Школа права и дипломатии им. Флетчера,
Университет Тафтс*
- д-р Петер М. Е. Фольтен, профессор**
*директор Центра по изучению вопросов европейской безопасности, Университет
Гронингена*
- д-р Стивен Л. Уайт**
Кафедра политологии, Университет Глазго

Единство Запада И Трансатлантическая Безопасность – Перед Лицом Испытаний

Авторы – Петер ван Хам, старший научный сотрудник Нидерландского института международных отношений “Клингендал” в Гааге и адъюнкт-профессор Колледжа Европы в Брюгге (Бельгия), и д-р Ричард Л. Каглер, заслуженный профессор Института изучения проблем национальной безопасности, Университет национальной обороны, Вашингтон.

Важнейший вопрос XXI века заключается в том, удастся ли демократическому сообществу предотвратить хаос вдоль “стратегической дуги”, простирающейся от Ближнего Востока до *азиатской литорали*. В настоящей Публикации Центра им. Маршалла представлены два разных взгляда на то, как Европе и Америке следует реагировать на терроризм, глобализацию и распространение оружия массового поражения.

Петер ван Хам анализирует расширяющийся разрыв между военными стратегиями, потенциалом и ценностями Европы и Америки. Он считает, что Соединенные Штаты должны серьезней относиться к Европе и активнее использовать свою “мягкую власть”, в то время как Европе следует стать эффективным союзником Соединенных Штатов и участвовать в решении проблем, касающихся безопасности, в глобальном масштабе.

По мнению Ричарда Каглера, несмотря на тот факт, что понятие национальной безопасности пережило второе рождение, НАТО по-прежнему является естественным инструментом согласования усилий Европы и США. Он утверждает, что НАТО должна действовать как союз равных, и представляет свои собственные оригинальные предложения, касающиеся новых вооруженных сил, которые, по его убеждению, должны быть созданы НАТО для отражения угроз, зарождающихся во все более опасном мире.

Интернет-сайт Центра им. Маршалла:

<http://www.marshallcenter.org>

**Оформление и производство – VIB
июнь 2002 г.**